

Assassin's Creed. Черный флаг

Автор:

Оливер Боуден

Assassin's Creed. Черный флаг

Оливер Боуден

Assassin's Creed #6

Начало XVIII века. Эдвард Кенуэй, дерзкий, самоуверенный сын фермера и торговца, с детских лет мечтает о дальних странствиях, о славе и богатстве.

Однажды ферма его родителей подвергается нападению и сгорает дотла. Жизнь самого Эдварда в опасности, теперь юноша просто вынужден покинуть родные места. Достаточно скоро Эдвард Кенуэй становится грозным капером. Но за ним по пятам неотступно следуют алчность, честолюбие и предательство. И когда Кенуэй узнает о подлом заговоре, грозящем уничтожить все, что ему дорого, он не может побороть в себе желание отомстить врагам.

Так он втягивается в многовековую битву между ассасинами и тамплиерами.

Основой для книги послужила популярная компьютерная игра компании «Ubisoft».

Впервые на русском языке!

Оливер Боуден

Assassin's Creed

Черный флаг

Oliver Bowden

ASSASSIN'S CREED: BLACK FLAG

Ubisoft and the Ubisoft logo are trademarks of Ubisoft Entertainment in the U.S. and/or other countries.

Выражаем признательность Данису Кучину за деятельное участие в подготовке книги.

© 2017 Ubisoft Entertainment. All rights reserved. Assassin's Creed.

* * *

Часть первая

1

1719 г.

Как-то раз я отрезал человеку нос...

Сказать точно, когда это случилось, не могу: кажется, году в 1719-м. Не помню я и где именно это произошло. Зато хорошо помню, при каких обстоятельствах: в момент нападения на испанский бриг. Нам, разумеется, нужны были их припасы. Я горжусь тем, что моими заботами кладовые «Галки» никогда не пустовали. Но, помимо припасов, на борту брига имелось еще кое-что, необходимое нам позарез. Точнее, кое-кто. Корабельный кок.

Наш собственный кок и его помощник к тому моменту были уже мертвы. Помощника застукали мочащимся в балласт, чего я не позволял. За это полагалось традиционное наказание: виновный должен был выпить кружку мочи, куда каждый из команды «брызнул» свою долю. Я ни разу не видел и не слышал, чтобы выпитая кружка мочи кого-нибудь отправила на тот свет, но именно это и случилось с помощником кока. Он выпил свое «наказание», потом лег спать и больше не проснулся. Какое-то время кок и один управлялся со стряпней. По вечерам он любил глотнуть рома, после чего его тянуло на полуют – подышать свежим воздухом. Он топал по крыше моей каюты, отплясывая джигу. Так продолжалось из вечера в вечер, пока однажды его топанье не прервал крик и громкий всплеск.

На корабле поднялась тревога. Ударили в колокол. Все кинулись к бортам. «Галка» встала на якорь. При свете фонарей и факелов мы обшарили окрестные воды, но кок как сквозь землю провалился.

Само собой, кок с помощником работали на камбузе не одни. Но кулинарные способности их молодых сподручных не простирались дальше умения помешивать еду в котле и чистить овощи. После исчезновения кока все, чем мы питались, – это были сырые овощи. Никто из нас не умел не то что стряпать – мы даже вскипятить воды толком не могли.

Вскоре мы захватили военный корабль. Эта маленькая приятная вылазка помогла нам разжиться превосходной новенькой бортовой артиллерией. Трюмы корабля ломались от оружия. Чего там только не было! Абордажные сабли, пики, мушкеты, пистолеты, порох и пушечные ядра. Корабль был испанским. От одного из пленных, который затем влился в мою команду, я узнал, что есть у испанцев один торговый кораблик и служит на нем весьма искусный кок. Ходили слухи, будто прежде он был поваром ее величества, но чем-то прогневил королеву и в наказание его сослали на это судно. Я не поверил ни единому слову пленного, однако пообещал команде, что еще до конца недели испанский кок будет готовить нам пристойную еду. Выследить нужный нам бриг оказалось делом

нехитрым, а обнаружив его, мы тут же атаковали.

Трофейная бортовая артиллерия оказалась как нельзя кстати. Мы дали несколько залпов из всех пушек, изрешетив испанскую посудину. Их паруса превратились в клочья. Штурвал снесло напрочь.

Словом, бриг уже начинал крениться, когда мои ребята взяли его на бордаж и, словно крысы, разбежались по всем углам корабля. В воздухе густо воняло порохом. Хлопали мушкетные выстрелы, звенели сабли. Как всегда, я сражался бок о бок со своей командой, используя саблю для ближнего боя, а скрытым клинком заканчивая дело. На меня бросились двое испанцев. Первому я раскроил треуголку, а затем и голову. Испанец рухнул на колени. Сабля застряла у него между глазами. Я загнал ее так глубоко, что вытащить лезвие из почти рассеченной головы оказалось непросто. Вместе с саблей я приподнял и корчащееся в предсмертных судорогах тело несчастного. Тем временем ко мне подскочил второй испанец. Его глаза были полны ужаса. Он явно не привык к таким заварушкам и не умел сражаться. Я ограничился тем, что отсек ему нос, – из дыры на лице захлестала кровь. Это возымело желаемое действие: зажимая рану, испанец бросился прочь. Мне пришлось обеими руками выдирать саблю из черепа первого противника, после чего я продолжил бой. Правда, особого сопротивления нам не оказали. Несколько наиболее ретивых мы уложили. Я заранее строго-настрога наказал своим молодцам: что бы ни случилось, беречь кока. Он нам нужен был живым и невредимым.

Покореженный испанский бриг довольно скоро затонул. Мы покинули место сражения, усеянное обломками дерева и обрывками снастей. Над ним еще клубился пороховой туман. Пленных испанцев мы выстроили на палубе и принялись выяснять, кто из них кок. У всех моих текли слюнки и урчало в животе. Этим мы разительно отличались от сытеньких испанцев. Однако пустые желудки ничуть не затуманили наши мозги.

Привычку ценить добротную пищу привила мне Кэролайн – моя единственная настоящая любовь. Мы недолго были вместе. И тем не менее ей хватило этого времени, чтобы существенно изменить мои пищевые пристрастия в лучшую сторону. Думаю, она бы одобрила мое внимательное отношение к корабельным трапезам и попытки отучить ребят жрать что попало. Я это делал не из бескорыстного желания обучить команду хорошим манерам. Я знал: сытый матрос – довольный матрос, не ставящий под сомнение мою власть на корабле. Потому за все годы, что я провел в море, в моей команде не было даже намека

на бунт. Ни разу.

- Вот он я, - наконец произнес один из пленных, выходя вперед.

В его устах это звучало как «Вад ань я» из-за повязки, закрывавшей пол-лица. Какой-то дурень оттяпал ему нос.

2

1711 г.

Итак, где я остановился? Ах да! Кэролайн. Ты ведь хотела узнать, как я с ней познакомился.

Для начала нам придется перенестись на несколько лет назад, в то время, когда я был простым фермером, разводившим овец. Тогда я ровным счетом ничего не знал об ассасинах и тамплиерах, не слышал о Черной Бороде и Бенджамине Хорнигольде и понятия не имел о каком-то там Нассау или Обсерватории. Возможно, я бы так и продолжал пасти овец, как мой отец, если бы не встреча, происшедшая в таверне «Старая дубинка» жарким летним днем 1711 года.

Главным развлечением для таких горячих голов, как я, была выпивка. А там где выпивка, там и до потасовки недалеко. Их в моей тогдашней жизни хватало... даже с избытком. Оглядываясь назад, я не испытываю ни малейшей гордости за свою беспутную юность. Но каждый, кто слишком любит эль, вынужден нести крест последствий своего пристрастия. Среди выпивох редко встретишь человека с чистой совестью. Большинство таких, как я, тешили себя мыслью, что однажды мы покончим с этим и изменим свою жизнь. Возможно, обратимся к Богу или займемся чем-то достойным. А потом... наступал полдень, ты чувствовал, что нет лучшего способа прояснить затуманенную голову, чем новая кружка эля, и потому бросал все дела и отправлялся в одну из таверн.

Упомянутые мной таверны находились в Бристоле - городе на юго-западном побережье нашей старой доброй Англии. Мы привыкли к здешним холодным

зимам и жарким летам. В тот год, когда я впервые ее увидел, – 1711-й, как я и сказал, – мне было всего семнадцать.

Я, конечно же, был пьян. По правде говоря, в те дни я частенько находился в подпитии. Возможно... не хочу преувеличивать и выставять себя в совсем уж невыгодном свете, но половину времени точно. Может, и больше.

Родительский дом стоял на окраине деревни Хэзертон, в десяти километрах от Бристоля. У родителей был небольшой участок земли, почти целиком занятый под пастбище. Отцовские интересы не простирались дальше разведения овец. Мое взросление освободило его от занятия, которое он всегда ненавидел. Я говорю о поездках в город с товаром, препирательствах с купцами и перекупщиками, заключении сделок, умении выговорить себе наиболее выгодные условия и так далее. Когда я подрос настолько, что все, с кем отец вел дела, начали относиться ко мне как к равному, деловые хлопоты легли на мои плечи.

Отца звали Бернардом, мать – Линетт. Они были родом из Суонси, но перебрались на запад Англии, едва мне стукнуло десять. За все эти годы мы так и не избавились от валлийского акцента. Это делало нас непохожими на других, но меня подобные отличия никогда не волновали. Я был сыном фермера, разводившего овец, а не овцой в стаде.

Я часто слышал от родителей, что у меня хорошо подвешен язык. Мать считала меня привлекательным молодым человеком и любила повторять, что своими речами я могу очаровать кого угодно. Я этого не отрицал, особенно когда дело касалось женщин. Скажу так: дела с женами торговцев шли куда успешнее дел с самими торговцами.

Мои занятия напрямую зависели от времени года. С января по май, когда овцы ягнились, мы сбивались с ног. Вне зависимости от того, была ли ясной моя голова или нет, я был обязан до восхода солнца наведаться в хлев и проверить, не появился ли у овец приплод. Ягнившихся овец переводили в хлев поменьше, разделенный на стойла. Их мы называли «ягнячьими горшками».

Новорожденными ягнятами занимался отец. Я в это время чистил и пополнял кормушки, менял сено и воду. Мать усердно записывала в дневник количество родившихся ягнят и обстоятельства овечьих родов. Я тогда и писать-то толком не умел. Письму (помимо всего остального, что сделало из меня настоящего мужчину) меня научила Кэролайн. Но тогда овечьей родословной занималась

мать. Она тоже была не бог весть какой грамотной, но считать более-менее умела.

Родители любили работать вместе. Это было еще одной причиной, почему отец не возражал против моих частых поездок в город. Мне иногда казалось, что отец и мать соединены какой-то невидимой нитью. Я больше не встречал пар, где бы муж и жена столь сильно любили друг друга и так мало нуждались в выставлении своей любви напоказ. Не требовалось особой наблюдательности, чтобы понять: каждый из них был смыслом жизни для другого. Душа радовалась, глядя на этих двоих.

Осенью мы пригоняли на пастбища к овцам племенных баранов. Они вместе щипали траву и занимались тем, что способствовало появлению новых ягнят. Сами пастбища тоже нуждались в уходе. Изгороди и стены ветшали, их требовалось чинить или строить заново.

Зимой, если погода портилась вконец, мы не выпускали овец из хлевов. Там, в тепле и безопасности, они готовились принести очередной приплод.

Лето было для меня временем наибольшей свободы. У овец наступала пора стрижки. Этим занимались исключительно отец с матерью. Я ездил в город чаще обычного, продавая не мясо, а шерсть. Поездки не были обременительными, и мои визиты в бристольские таверны становились все более частыми. Можно сказать, я примелькался в тавернах в своем камзоле, застегнутом на все пуговицы, бриджах, белых чулках и слегка потертой треуголке. Я привык считать ее своим отличительным знаком. По словам матери, треуголка великолепно сочеталась с моими волосами. (Они у меня очень быстро отрастали и постоянно нуждались в стрижке. Но мне нравился их красивый песочный цвет.)

Именно в тавернах я открыл для себя, что после нескольких кружек эля, выпитых в полдень, мое красноречие обретало силу и легкость. Думаю, ты согласишься, что у выпивки есть свои достоинства. Эль развязывает язык, устраняет скованность, ослабляет тиски нравственных принципов... Не скажу, чтобы в трезвом состоянии я был излишне застенчив, однако эль давал мне дополнительную свободу. Речь становилась убедительнее, и мне удавалось продать больше шерсти, а излишек вполне покрывал расходы на выпивку. По крайней мере, так я говорил себе тогда.

Если оставить в стороне глупое утверждение, что Эдвард «в подпитии» торговал лучше, нежели трезвый, надо отметить еще одну перемену, производимую во мне элем. У меня менялось умонастроение.

Честно говоря, я считал себя особенным. Нет, не так: я был уверен, что я особенный. Бывали вечера, когда я сидел и отчетливо понимал, что воспринимаю мир совсем не так, как другие. Сейчас-то я знаю, с чем были связаны эти чувства. Но тогда я был не в курсе, как выразить это словами, и лишь говорил, что ощущаю себя непохожим на других.

Возможно, по этой причине, а может, вопреки ей я решил, что не собираюсь всю жизнь заниматься разведением овец. Я осознал это в первый день, когда пришел на ферму в новом качестве – родительского помощника. Детство кончилось. Я посмотрел на отца и понял, что уже не смогу, как раньше, просто прийти сюда, немного поиграть и отправиться домой – мечтать о будущем плавании по далеким морям. Отныне моим будущим становилась работа на ферме. Год за годом я стану помогать родителям, а потом женюсь на какой-нибудь местной девице, у меня появятся сыновья, они подрастут и тоже начнут учиться ремеслу их отца и деда. Я отчетливо понял, что ждет меня впереди, и не ощутил удовлетворенности такой жизнью, не говоря уже о счастье. Такое будущее, похожее на стопку свежеевыглаженной рабочей одежды, меня изрядно ужаснуло.

Правда была в том (прости, отец, да упокоит Господь твою душу), что я ненавидел свою работу. А после нескольких кружек эля я ненавидел ее меньше, только и всего. Может, я заливал элем свои странные мечты? Наверняка. Но тогда я как-то об этом не думал. В те дни меня снедало неутраченное презрение к тому, как я живу и во что превращается... или хуже того, уже превратилась моя жизнь. Это презрение почему-то виделось мне шелудивым котом, устроившимся у меня на плече.

Похоже, мне не хватало благоразумия. Порой я вел себя опрометчиво, намекая собутыльникам, что судьба уготовила мне жизнь лучше нынешней. Что тут скажешь? Я был молод, самонадеян и высокомерен. Помножь все это на пристрастие к элю. Даже в лучшие времена такое сочетание давало взрывоопасную смесь. А те времена уж никак нельзя назвать лучшими.

– Тебя слушаешь, так мы что, тебе в подметки не годимся?

Я часто слышал этот вопрос. Слова менялись, но суть оставалась прежней.

Сейчас я понимаю: нужно было проявить крупицу дипломатии. Сказать, что они меня не так поняли или что-то в этом роде. Но я отвечал в своей тогдашней манере, после чего вспыхивала потасовка. Их в моей тогдашней жизни хватало. Наверное, мне хотелось доказать очередным собутыльникам, что я действительно лучше их во всем, включая драки. Возможно, я думал, будто таким образом отстаиваю честь семьи. Вот таким я был тогда. Напивающимся без удержу. Волокитой. Выскочкой. Но только не трусом. Нет. Я ни разу не попытался уклониться от потасовки.

Именно в летнюю пору моя беспечность достигала высшей точки. Я бывал максимально пьян и легковозбудим – словом, настоящая заноза в заднице. Но, несмотря на все это, заметив, как какие-то негодяи пристают к молодой женщине, я тут же бросился ей на выручку.

3

Дело было в «Старой дубинке» – таверне на полпути между Хэзертоном и Бристолем. Я был завсегдатаем заведения. Летом, когда родители вплотную занимались стрижкой овец и мои частые поездки в город не вызвали подозрений, я ухитрялся бывать в «Старой дубинке» по нескольку раз в день.

Должен признаться, поначалу я даже не обратил на эту девицу никакого внимания, что уже само по себе было для меня необычным. Я любил покрасоваться в присутствии хорошеньких женщин. Но «Дубинка» не относилась к числу мест, где можно встретить красотку. Женщины туда заглядывали, но много пошиба. Эта же девица, насколько я мог судить, была не из их числа. Совсем молоденькая, – похоже, моя ровесница. И одета она была не так, как посетительницы этой таверны: скромное платье, какие носят служанки, на голове чепец.

Однако мое внимание привлек отнюдь не ее скромный наряд, а весьма громкий голос, никак не вязавшийся с ее обликом. Девица сидела в обществе троих хорошо знакомых мне мужчин: Тома Кобли, его сына Сета и некоего Джулиана, работавшего у них, фамилию которого я никогда не мог запомнить. Отношения с

этой троицей у меня были весьма неприязненные: они смотрели на меня свысока, я платил им тем же. Правда, пока обходилось без кулаков. Когда я повернулся на громкий голос девицы, все трое, подавшись вперед, пожирали ее глазами, полными вожделения. Улыбки на их лицах не могли скрыть истинных намерений троицы. Том и его спутники шлепали ладонями по столу, подзадоривая девицу осушить большую кружку эля.

Не каждый мужчина решился бы выпить такую кружку залпом. Меж тем храбрая девица перелила содержимое в себя, после чего вытерла ладонью рот и с шумом поставила пустую кружку на стол. Троица зашлась хвалебными криками. Они тут же заказали новую порцию. Им нравилось, что молодая женщина уже слегка покачивалась на стуле. Чувствовалось, они боялись поверить в свою удачу. Еще бы: добыча шла прямо к ним в руки.

Я смотрел, как они таким же манером заставили девицу выпить и вторую кружку, шумно одобряя ее успех. И снова эта беспечная дурочка залихватски вытерла рот и хлопнула кружкой о стол. Теперь ее шатало еще сильнее. Троица удовлетворенно переглядывалась. «Дело сделано», – говорили их глаза.

Через некоторое время Том и Джулиан поднялись из-за стола и стали настойчиво предлагать девице «сопроводить» ее домой.

– Дорогуша, ты переусердствовала с элем, давай мы проводим тебя до дому, – говорили они, изображая учтивость.

– До кроватки, – ухмыльнулся Сет, думая, что его никто не слышит, хотя вся таверна слышала его слова. – Уложим тебя в кроватку.

Я посмотрел на молодца за стойкой. Тот опустил глаза и принялся сморкаться в свой передник. У другого конца стойки сидел рослый мужчина. Он поспешил отвернуться. Жалкие трусы! С таким же успехом можно было бы просить помощи у кошки. Вздохнув, я отпихнул недопитую кружку и поспешил вслед за обоими Кобли и их работником.

В таверне было сумрачно. Выйдя наружу, я зажмурился от яркого дневного света. Моя телега стояла на месте, и солнце нещадно ее прожаривало. Неподалеку я увидел вторую телегу. Эта, похоже, принадлежала Кобли. По другую сторону дороги находился чей-то двор с домом в глубине. На дворе не

было ни души. На дороге – тоже. Только я, папаша и сынок Кобли, Джулиан и, разумеется, несчастная девица.

– Что я вижу, Том Кобли? – начал я. – Среди белого дня ты с дружками решил напиться и напоить до беспамятства беззащитную молодую женщину?

Услышав мои слова, Том отпустил руку девицы и повернулся ко мне, тыча пальцем в мою грудь:

– А такому ничтожеству, как ты, Эдвард Кенуэй, я настоятельно советую не лезть в чужие дела. Ты ничуть не трезвее меня, а уж про твои моральные устои я вообще помолчу. Как-нибудь обойдусь без поучений таких, как ты.

Сет с Джулианом тоже повернулись в мою сторону. Глаза девицы остекленели. Судя по всему, ее разум погрузился в сон, хотя тело продолжало бодрствовать.

– Да, Том Кобли, я отнюдь не образец благочестивого поведения. Но если мне приспичит затащить девчонку в постель, я не стану дурманить ее элем. И в таком деле я прекрасно обойдусь без помощи друзей.

Том Кобли побагровел:

– Ты нагл, но глуп. Представь себе, я собирался всего-навсего посадить эту подвыпившую девчонку в телегу и отвезти ее туда, где она живет.

– В этом я не сомневаюсь. Но по пути к ее дому может произойти всякое. Это-то меня и настораживает.

– Настораживает? Тебя? Скоро тебя будет настораживать другое. Пара треснувших ребер и сломанный нос, если не перестанешь совать его в чужие дела.

Я прищурился, оглядывая дорогу. С обеих сторон ее окружали деревья в золотистых пятнах. В летнем мареве я разглядел фигуру всадника, двигавшегося к нам со стороны Бристоля. Всадник находился еще достаточно далеко, и потому я видел лишь его силуэт.

Я шагнул к своему противнику. Если до этого мое поведение можно было (пусть и с натяжкой) назвать учтивым, теперь всю учтивость как ветром сдуло. В голосе у меня зазвучал металл:

– Вот что, Том Кобли, или ты оставишь несчастную девицу в покое, или я за себя не отвечаю.

Троица переглянулась. Казалось, они вняли моим требованиям и даже на шаг отступили от девицы, и та с явным облегчением опустилась на корточки, упершись рукой в пыльную землю. Она таращила на нас мутноватые глаза, явно не осознавая, что весь сыр-бор затеян из-за нее.

Но слова словами, а я поглядывал на обоих Кобли и их прихвостня, оценивая свои шансы. Приходилось ли мне драться сразу с троими? В общем-то, нет. Если тебе противостоят трое, ты не столько бьешь их сам, сколько они бьют тебя. «Ничего, Эдвард Кенуэй, не дрейфь», – сказал я себе. Пусть их трое, но один из них – Том Кобли, ровесник моего отца. Второй – Сет, сынок Тома. Можешь себе представить парня, помогающего отцу спаивать глупую девчонку? Тогда ты поймешь, что собой представлял Сет Кобли. Вероятнее всего, когда дело дойдет до драки, он скорее намочит в штаны от страха и убежит, чем примет бой. К тому же оба они были пьяны.

Впрочем, и я был в подпитии. К тому же оставался еще их работник Джулиан, который, судя по виду, вполне мог за себя постоять.

И тут во мне созрел план, ключевой фигурой в котором был одинокий всадник, скачущий в нашу сторону. Если мне удастся сдержать обоих Кобли до его появления, исход поединка вполне может решиться в мою пользу. Если всаднику знакомы понятия чести и достоинства, он непременно остановится и поможет мне.

– Вот что я тебе скажу, Том Кобли, – начал я. – Вас трое, и вы обладаете несомненным численным преимуществом. Но мне было бы стыдно смотреть моей матери в глаза, зная, что я позволил тебе и твоим спутникам похитить это прелестное создание.

Я снова бросил взгляд на дорогу. Всадник приближался, но не так быстро, как мне бы хотелось. «Давай же, – мысленно подгонял я его. – Чего ты там

плетешься?»

– И даже если вы превратите меня в отбивную и бросите на обочине, а сами попытаетесь умыкнуть эту легкомысленную деву, я и тогда сделаю все, чтобы вам помешать, – продолжал я свою устрашающую речь. – Не исключено, что кто-то из вас обзаведется хорошим синяком под глазом, а то и получит по яйцам.

Том Кобли сплюнул, потом сощурился на меня. Лицо у него было обветренное, со множеством морщинок вокруг глаз.

– Ну, напугал. Ты так и собираешься разглагольствовать здесь весь день или начнешь выполнять свои угрозы? Время, оно никого не ждет... А у меня дел по горло, – добавил он, награждая меня зловещей улыбкой.

– Вот-вот. И чем дольше ты тут прохлаждаешься, тем скорее ваша жертва протрезвеет и сообразит, что к чему?

– Знаешь что, Кенуэй? Я начинаю порядком уставать от твоей болтовни. – Том повернулся к Джулиану. – А не прочить ли нам этого маленького ублюдка? И прежде чем мы начнем, должен тебе сказать, мастер Кенуэй, что ты своей матери в подметки не годишься. Понятно?

Не стану скрывать, его слова больно ударили по мне. Этот Том Кобли с моралью похотливого кобеля и умишком, вдвое уступающим собачьему, сумел вломиться ко мне в душу. Наверное, подспудно я сознавал свою вину перед матерью. Если уподобить чувство вины открытой ране, получается, что Том сунул туда свой грязный палец, отчего мне стало еще больнее. Одного этого было достаточно, чтобы подстегнуть мою решимость.

Джулиан выпятил грудь и с рычанием двинулся на меня. Когда нас разделяло не более двух шагов, он поднял кулаки, опустил правое плечо и замахнулся. Уж не знаю, с кем прежде Джулиану приходилось биться возле таверн, но наверняка не с такими опытными драчунами, как я. Он имел глупость показать мне, что является правшой, чем я незамедлительно воспользовался.

Вокруг моих ног клубилась дорожная пыль. Я легко увернулся от его удара и тут же вломил Джулиану в челюсть. Он взвыл от боли. Будь он единственным противником, на этом наша схватка и кончилась бы. Но ему на выручку двинулся

Том Кобли. Я успел это заметить краешком глаза, а вот защититься не успел. Через мгновение Том ударил меня в висок.

Я чуть пошатнулся, затем качнулся навстречу Тому, беспорядочно размахивая кулаками. Я надеялся сбить кого-то из двоих с ног, чтобы не сражаться на два фронта. Увы, ни один из моих ударов не достиг цели. Кобли-старший отступил. Джулиан оправился после моего «угощения» и с пугающей скоростью вновь двинулся на меня.

Очень скоро правый кулак Джулиана въехал мне в подбородок. Я едва устоял на ногах. Треуголка слетела с головы, копна волос застлала глаза. Угадай, кто воспользовался секундами моего замешательства? Естественно, это был выползок Сет Кобли. Подбадривая отца и Джулиана, он ударил меня ногой. Мерзавцу повезло: удар пришелся прямо в подбрюшье. Я окончательно потерял равновесие и упал.

Самое скверное в драке – это упасть. Если ты оказался на земле, твое дело дрянь. Меж тем одинокий всадник был почти рядом. Я видел его в просветах между ногами моих противников. Мой единственный шанс на спасение. Единственная надежда выбраться отсюда живым... Но стоило ему подъехать поближе, и мои надежды рухнули. Я рассчитывал, что всадник окажется торговцем, человеком не робкого десятка, спрыгнет с лошади и бросится мне на помощь. Увы, то был не всадник, а всадница, и, хотя ехала она в мужской манере, ее наряд не оставлял сомнений. Шляпка, яркое летнее платье. Она была молода и хороша собой. Это я успел заметить, прежде чем сапоги Кобли загородили обзор и на меня градом посыпались пинки.

Что же теперь делать? Вряд ли красивая женщина решится меня спасти.

– Эй, вы! – послышался звонкий голос. – Да, вы трое! А ну, сейчас же прекратите!

Мои противники повернулись в ее сторону и, как ни странно, поспешили снять шляпы, встав так, чтобы юная дама меня не видела. Я тем временем валялся на земле и кашлял, отхаркивая кровь.

– Что здесь происходит? – сурово спросила всадница.

Я не ошибся. Она действительно была очень молода. Вряд ли знатного происхождения, но явно хорошего воспитания. Да и в смелости ей не откажешь, если она отправилась куда-то без сопровождающих.

– Мы тут... решили немного поучить этого молодого человека хорошим манерам, – тяжело дыша, ответил Том Кобли.

Нелегкая эта работа – избивать юнца до полусмерти!

– Не многовато ли учителей на одного ученика? – сердито спросила всадница.

Она была не просто красивой. Очень красивой. Особенно сейчас, когда гневно смотрела на обоих Кобли. Те застыли как вкопанные.

Юная дама спешила.

– А теперь извольте ответить, почему рядом с вами находится эта девушка?

«Эта девушка», лишь слегка протрезвев, безучастно глядела в сторону всадницы.

– Она, мэм... прощения просим, мэм, но наша юная подруга выпила лишку. Вот мы и...

Лицо юной дамы помрачнело.

– Она никак не может быть вашей юной подругой. Она – моя служанка, имевшая наглость отлучиться со двора без позволения. Если я не верну ее раньше, чем моя мать обнаружит самовольную отлучку, ей придется искать себе другое место работы.

Всадница поочередно оглядела всех троих:

– Мне знакомы такие, как вы, и я догадываюсь, что? здесь затевалось. Поэтому настоятельно советую оставить этого молодого человека в покое и поскорее убраться отсюда, иначе я не стану молчать о случившемся.

Кланяясь и подобострастно улыбаясь, все трое залезли в телегу и быстро скрылись из виду. Всадница склонилась надо мной. Ее голос изменился. Приказной тон исчез. Теперь она говорила мягко и слегка обеспокоенно.

– Меня зовут Кэролайн Скотт, – представилась она. – Моя семья живет в Бристолле, на Хокинс-лейн. Позвольте мне отвезти вас туда и заняться вашими ранами.

– Это невозможно, миледи, – ответил я, садясь и пытаюсь улыбнуться. – Меня ждет работа.

– Понимаю. – Хмуря брови, красавица поднялась на ноги. – Я верно поняла ситуацию?

– Да, миледи.

Я дотянулся до своей треуголки, ставшей еще потрепаннее.

– В таком случае я должна поблагодарить вас за вмешательство. Да и Роуз скажет вам спасибо, когда протрезвеет. Она – своевольная особа, с ней иногда бывает нелегко. И все же не хочу, чтобы она пострадала из-за собственной горячности.

Кэролайн Скотт была сущим ангелом. Эта мысль пришла мне в голову, когда я помогал им обоим забираться на лошадь. Роуз буквально плюхнулась на спину животного, и тут мне в голову пришла отчаянная идея.

– Миледи, я смогу увидеться с вами снова? – спросил я Кэролайн. – Я хочу отблагодарить вас должным образом, когда буду... в более презентабельном виде.

Она с сожалением посмотрела на меня.

– Боюсь, мой отец не одобрит вашего визита, – сказала она, трогая поводья.

Вечером, на закате, я сидел возле дома и рассеянно глядел на окрестные пастбища. Обычно я думал о том, как убежать от уготованного мне будущего.

Но в тот вечер я думал только о Кэролайн. О Кэролайн Скотт с Хокинс-лейн.

4

Два дня спустя меня разбудили крики. Вскочив с кровати, я впопыхах натянул бриджи, накинул рубашку и уже на ходу принялся просовывать босые ноги в сапоги. Голос я узнал сразу. Это кричала моя мать. Вскоре крики стихли, сменившись рыданиями, вслед за которыми раздалась отцовская ругань. Негромкая. Ругань человека, убедившегося в своей правоте.

После потасовки возле «Старой дубинки» я вернулся в таверну. Надо было как-то приглушить боль ссадин и синяков. А разве найдется лучшее лекарство, чем пара кружек эля? Словом, домой я приехал, будучи в определенном состоянии. Когда я говорю «состояние», то имею в виду, что вид у меня был как у солдата, прошедшего не одну войну: лицо и шея в ссадинах, одежда мятая, грязная и рваная. А еще мое «состояние» говорило о том, что я солидно перебрал.

Не знаю, что рассердило отца сильнее: мои раны или количество выпитого эля. Мы с ним повздорили. Стыдно признаваться, но я не выбирал выражения, забыв, что рядом находится мать. Естественно, это разозлило отца еще сильнее, и он вlepил мне затрещину. Однако главной причиной отцовского гнева было то, что моя потасовка произошла в разгар трудового дня. (Отец не желал и слушать, что я защищал честь женщины, хотя на моем месте сделал бы то же самое.) Они с матерью весь день работали не разгибая спины, а тут заявляюсь я: вдрызг пьяный, да еще после драки. Мало того что мое поведение позорило доброе имя Кенуэев, моя стычка с Кобли могла обернуться неприятностями в будущем. Так оно и вышло.

– Кобли, больше никому! – продолжал негромко браниться отец. – Отъявленные мерзавцы, каких еще поискать. Они ведь это дело так не оставят, ты хоть это понимаешь?

Последние слова были обращены ко мне. Отец стоял в своем обычном рабочем одеянии и успокаивал мать, которая тихо всхлипывала, уткнувшись ему в плечо. А за ее спиной...

Я зажал рот рукой, чтобы самому не вскрикнуть. На пыльной земле двора лежали две овцы. У обеих было перерезано горло. Земля успела потемнеть от крови. Их намеренно положили рядом, показывая нам, что овцы не стали жертвами лисы или дикой собаки.

Это была месть. И предупреждение.

- Кобли, - пробормотал я, сплевывая на землю.

Я чувствовал, как во мне стремительно закипает гнев. Гнев и жгучее чувство вины. И отец с матерью, и я прекрасно понимали: причиной всего этого были мои действия.

Отец даже не взглянул на меня. У него было невыразимо грустное, озабоченное лицо. Отец был уважаемым человеком и умел обернуть это уважение в свою пользу. Даже с конкурентами он был вежлив и почтителен. Разумеется, он не любил семейство Кобли, и еще как (да и кто их любил?), однако у него никогда не бывало ссор ни с ними, ни с кем-либо вообще. И никто не резал глотки нашим овцам. Случившееся этим утром было для нас в новинку.

- Эдвард, я знаю, о чем ты думаешь, - по-прежнему не глядя на меня, произнес отец. Он стоял, обнимая мать, и смотрел вдаль. - Но я тебе советую подумать как следует.

- И о чем же я, по-твоему, думаю?

- О том, что это ты навлек на нас эту беду. Теперь тебя обуревают желание расквитаться с Кобли.

- Допустим. А сам ты о чем думаешь? Позволить им остаться безнаказанными? Сделать вид, будто этого не было? - Я махнул в сторону окровавленных овечьих туш. - Мы лишились двух породистых овец, от которых уже не получим ни шерсти, ни приплода. Нам причинен убыток. Они должны заплатить за это.

- Ничего у нас не получится, - вдруг сказал отец.

- Что значит не получится?

– Пару дней назад мне предложили вступить в некую организацию. Торговую, как мне сказали.

Я посмотрел на отца и подумал: не показывает ли мне судьба, каким я стану в его возрасте? И да простит мне Господь эти крамольные мысли, от всей души понадеялся, что никогда таким не стану. Когда-то мой отец был недурен собой. Сейчас передо мной стоял человек с изможденным, морщинистым лицом. Широкие поля его фетровой шляпы закрывали глаза: усталые, вечно опущенные вниз.

– Меня убеждали в нее вступить, но я все равно отказался, – продолжал отец. – А Кобли, как и большинство здешних фермеров, охотно приняли приглашение. И теперь, Эдвард, они пользуются ее покровительством. Как по-твоему, почему Кобли решились на такую жесткость? Они теперь под защитой.

– Мы можем хоть что-то сделать? – в отчаянии спросил я.

– Мы, Эдвард, будем работать, как прежде, и надеяться, что этот случай был первым и последним. Думаю, Кобли сочли себя достаточно отмщенными.

Впервые за все утро отец поднял на меня глаза. Глаза немолодого, усталого человека. В них не было ни злости, ни упрека. Только сознание того, что он потерпел поражение.

– Ты приведешь двор в порядок, пока я успокаиваю мать?

– Да, отец.

Он повел мать в дом.

– А почему ты не захотел вступить в ту организацию? – крикнул я, когда родители уже были возле двери.

– Ты поймешь однажды, если все-таки повзрослеешь, – не оборачиваясь, ответил отец.

Вскоре мои мысли опять вернулись к Кэролайн. Перво-наперво я узнал, кто она такая. Потолкавшись вблизи Хокинс-лейн, я выяснил, что Эмметт Скотт – ее отец – богатый торговец чаем. Большинство клиентов наверняка считали его нуворишем, однако это не помешало ему пробиться в высшее общество.

Будь на моем месте кто-то менее упрямый и самоуверенный, он бы нашел другой путь к сердцу Кэролайн. Он бы принял в расчет, что ее отец является поставщиком высокосортного чая в богатые дома западных графств. Более разумный человек оценил бы калибр Эмметта Скотта и сопоставил со своим. У отца Кэролайн хватало денег, чтобы держать кучу слуг в своем внушительном особняке на Хокинс-лейн. Это тебе не клочок земли! Отцу Кэролайн не нужно было вставать в пять часов утра и кормить овец. Эмметт Скотт принадлежал к числу людей состоятельных и влиятельных. Однако я, сознавая бесплодность своей затеи, попытался с ним познакомиться. Очень и очень многих последующих неприятностей можно было бы избежать, поведи я себя хоть чуточку разумнее.

Но я этого не сделал.

Пойми, я был молод. Неудивительно, что такие, как Том Кобли, меня ненавидели. Я был очень высокомерен. Невзирая на положение, какое моя семья занимала в обществе, заискивать перед торговцем чаем я считал ниже своего достоинства.

Одно я знал наверняка: если кто-то любит женщин, как люблю их я, в чем без стыда признаюсь, он непременно отыщет в каждой частичку красоты. Но что касается Кэролайн... меня угораздило влюбиться в женщину, чья внешняя красота соответствовала внутренней. Конечно же, такое редкостное сочетание достоинств привлекало к ней внимание других мужчин. Вскоре я узнал, что на нее положил глаз некто Мэтью Хейг, сын сэра Обри Хейга – богатейшего бристольского землевладельца и одного из управляющих Ост-Индской компанией.

Как удалось выяснить, этот Мэтью был моим ровесником. Пожалуй, он не уступал мне и по части самоуверенности, но вдобавок отличался чувством собственной значимости, свойственной многим отпрыскам из богатых семей.

Мэтью был необычайно высокого мнения о собственной персоне, что никак не соответствовало действительности. Он любил изображать из себя опытного и проницательного делового человека, как его отец, хотя всякому было件ятно, что у Мэтью нет ни отцовской проницательности, ни уж тем более опыта. Что еще забавнее – Мэтью мнил себя философом и часто диктовал свои мысли писцу, сопровождавшему его повсюду. Вооруженный пером и чернилами, писец в любое время и в любом месте был готов занести на бумагу очередное изречение Хейга, типа: «Шутка подобна камню, брошенному в воду, а смех – волнам, расходящимся от него».

Возможно, его мысли действительно отличались глубиной. Если бы не его интерес к Кэролайн, я вообще не обратил бы на Мэтью никакого внимания или примкнул бы к тем, у кого одно упоминание его имени вызывало презрительный смех. Меня не столько волновал интерес Мэтью к Кэролайн, сколько два других обстоятельства. Первое: Эмметт Скотт явно намеревался выдать свою дочь за этого хлюста. И второе: этот хлюст, неспособный выполнить простейшее поручение, но зато умеющий довести людей до белого каления, ходил не только в сопровождении писца. Мэтью сопровождал телохранитель: рослый, крепкий детина, совершенно неотесанный, но отличавшийся изрядной жестокостью. Звали его Уилсон. Один глаз у него был всегда слегка прикрыт.

– «Жизнь – не сражение, ибо в сражениях побеждают или терпят поражение. Жизнь нужно прожить», – диктовал Мэтью Хейг своему худосочному писцу.

Пока что в своей юной беспечной жизни Мэтью Хейг одерживал лишь победы. Во-первых, потому, что он был сыном сэра Обри Хейга, а во-вторых, потому, что за ним повсюду следовал угрюмый детина-телохранитель.

Ну а я тем временем решил разузнать, куда отправится Кэролайн в один из солнечных дней. Каким образом? Назовем это услугой за услугу. Помнишь беспечную девицу Роуз, которую я уберег от участи худшей, нежели смерть? Думаю, не забыла ты и то, что она была служанкой Кэролайн. Словом, я напомнил ей, что долг платежом красен. Я шел за Роуз по пятам от особняка на Хокинс-лейн до ближайшего рынка. Держа на согнутой руке корзинку для провизии, Роуз деловито оглядывала содержимое лотков и прилавков, выказывая полное равнодушие к крикам торговцев, расхваливающих свои товары. Вот тут-то я и вступил с ней в разговор.

Естественно, она меня не узнала.

– Не знаю, сэр, кто вы такой и откуда взялись, – заявила Роуз, настороженно озираясь по сторонам, словно ее хозяева прятались где-то поблизости и в любое мгновение могли выскочить из укрытия.

– Зато я очень хорошо знаю, кто ты, Роуз, – сказал я. – Это ведь я на прошлой неделе вступился за тебя возле «Старой дубинки». И был поколочен твоими, с позволения сказать, друзьями. Надеюсь, выпитый эль не настолько затуманил тебе мозги, чтобы ты не запомнила своего доброго самаритянина?

Служанка неохотно кивнула. Возможно, я вел себя не совсем по-джентльменски. Не следовало с цинизмом наемника напоминать молодой девице про щекотливое положение, в которое она попала, но... Мне нужна была информация. Я был сражен красотой хозяйки Роуз. И, учитывая отсутствие у меня писательского таланта, я решил, что непосредственная встреча с Кэролайн откроет мне путь к ее сердцу.

Я рассчитывал на свое красноречие. Если оно действовало на торговцев и девиц, иногда встречавшихся мне в тавернах, то почему бы не попробовать мои чары на девушке из высшего сословия?

От Роуз я узнал, что по вторникам Кэролайн любит прогуляться по Бристольской гавани. Однако (здесь служанка опять принялась озираясь по сторонам) мне нужно остерегаться мистера Хейга, а также его телохранителя Уилсона. По словам Роуз, Мэтью души не чаял в Кэролайн и был настроен оберегать каждый ее шаг.

Наш разговор с Роуз произошел в понедельник. На следующее утро я и так должен был ехать в город. Отправившись туда, я постарался как можно быстрее продать товар и поспешил в гавань. Воздух там был густо пропитан морской солью вперемешку с запахом навоза и кипящей смолы. В небе галдели чайки. С земли слышались голоса тех, кто здесь работал. Перекликались матросы, нагружавшие и разгружавшие трюмы кораблей. Дул легкий ветерок, заставлявший корабли покачиваться на волнах, а их мачты – чуть крениться.

Я понял, почему Кэролайн нравилось здесь бывать. Гавань являлась средоточием жизни. Куда-то спешили носильщики с большими корзинами яблок. У кого-то на

плече болталась пара фазанов. На причалах шла бойкая торговля всем, что имело спрос. Несколько женщин, продававших ткани, убеждали матросов, что таких расцветок они больше нигде не найдут. Дети постарше продавали цветы и разные полезные в обиходе мелочи. Малышня просто бегала, путаясь под ногами у взрослых. За ними почти никто не следил, как и за собаками. Те жались к стенам, вынюхивая еду среди гор отбросов, гниющих под жарким солнцем.

И вот среди всего этого столпотворения прогуливалась Кэролайн. Ее голову украшала шляпка с бантом. В одной руке она держала зонтик. За ней на расстоянии нескольких метров шла Роуз. Я решил не подходить к Кэролайн сразу, а выбрать подходящий момент. Тем более что она смотрела не себе под ноги, а по сторонам. Судя по выражению ее лица, Кэролайн, как и я, наслаждалась многообразием жизни. Может, ей, как и мне, нравилось смотреть на море? На воду, которую солнце превращало в слитки золота и серебра? На покачивающиеся мачты кораблей? На чаек, летящих туда, где начинался мир? Может, и она тоже хотела узнать, какие истории расскажет ей линия горизонта?

Я мог бы назвать себя романтиком, но не глупцом. После нашей встречи возле таверны я не раз задавался вопросом: а не является ли любовь к Кэролайн плодом моих фантазий? Как-никак она меня тогда спасла. Но в тот момент, во время прогулки по гавани, мои чувства к ней вспыхнули с новой силой.

Разве я мог предстать перед Кэролайн в своей рабочей одежде? Разумеется, нет. Я позаботился о своем виде. Грязные сапоги я сменил на башмаки с серебряными пряжками. Замызганные штаны – на темные бриджи и чистенькие белые чулки. Все это дополнял выстиранный и тщательно выглаженный сюртук. Коричневую треуголку, которой тогда досталось вместе со мной, я сменил на новую. В собственных глазах я выглядел вполне достойно, как и подобает джентльмену. Я был молод и недурен собой. Меня переполняла уверенность в себе. Выходец из семейства Кенуэй, сын уважаемого фермера.

В гавань я пришел вместе с юным шалопаем по имени Альберт. Я нанял его в помощники, пообещав заплатить за услугу. Не требовалось особой сообразительности, чтобы догадаться о характере услуги: Альберт должен был помочь мне произвести впечатление на прекрасную Кэролайн.

– Так, ты помнишь все, что должен сделать? – спросил я у Альберта.

Тот чуть сдвинул шляпу набок и искоса посмотрел на меня. Глаза у него были как у взрослого и никак не вязались с его юным обликом. Его лицо выражало крайнюю скуку. «Слышал я все это, и не раз», – будто бы говорило оно.

– Так вот, приятель, ты подойдешь вон к той очаровательной леди и протянешь ей букет цветов. Она остановится и спросит: «Молодой человек, по какому поводу вы преподносите мне цветы?» Тогда ты укажешь вон туда.

Я махнул в сторону, где должен был стоять я, гордый, словно павлин. Кэролайн либо узнает меня, либо захочет поблагодарить своего таинственного поклонника и попросит Альберта нас познакомить. Я подойду и пущу в ход свои чары.

– А что получу я? – спросил Альберт.

– Что получишь ты? Считай себя счастливым, если не получишь оплеуху.

Альберт криво усмехнулся:

– Может, тебе лучше с разбега в воду прыгнуть?

– Я пошутил, – сказал я, помня, что обещал ему заплатить. – Дам тебе полпенса.

– Полпенса? Это предел твоей щедрости?

– Слушай, малец. Это предел того, что стоит твоя так называемая работа. Согласись: получить полпенса за то, что ты пройдешь несколько шагов и вручишь красивой женщине цветы, – самый легкий заработок.

– А ухажера при ней не будет? – вдруг спросил Альберт, вытягивая шею.

Разумеется, вскоре стало ясно, почему Альберта так интересовало наличие у Кэролайн жениха. Но в тот момент я не придавал значения его словам, посчитав вопрос праздным любопытством. Я уверил Альберта, что никакого ухажера у этой леди нет, отдал ему цветы и обещанные полпенса.

Альберт отправился выполнять мое поручение. И только тогда я заметил что-то, что он держал в другой руке, и осознал, какую ошибку допустил.

Это был маленький ножичек, а сам Альберт не сводил глаз с кошелька, висевшего на руке Кэролайн.

И тут я все понял. Воришка! Альберт оказался карманным вором.

– Ах ты, мелкий ублюдок, – пробормотал я и бросился следом.

Альберт успел одолеть половину расстояния, разделявшего нас с Кэролайн. Маленький рост позволял ему быстрее лавировать в толпе, чем мне. Мисс Скотт же не подозревала о приближающейся опасности – опасности, которую я нечаянно сам на нее навлек.

Вскоре я увидел троих мужчин, которые тоже шли в сторону Кэролайн. Я их сразу узнал. Это были Мэтью Хейг, тощий писец и телохранитель Уилсон. Последний заставил меня внутренне сжаться, особенно когда я увидел его глаза. Телохранитель мельком взглянул на Кэролайн, потом на Альберта и снова на нее. Надо отдать ему должное: свое дело он знал. В мгновение ока он понял, что тут происходит.

Я остановился в полном замешательстве, не зная, как мне быть дальше.

– Эй, ты! – крикнул Уилсон.

Его зычный грубый голос заглушал все окрестные крики, разговоры, визги и пiski.

– Эй, а ну-ка стой! – Телохранитель Хейга бросился вперед, но Альберт уже успел подбежать к Кэролайн. Его рука змеей метнулась к ленте ее кошелька. Ножичек полоснул по шелку, и изящный мешочек упал в другую руку воришки.

Кэролайн даже не заметила кражи, зато она, конечно же, увидела могучую фигуру Уилсона, выросшую рядом. Мисс Скотт вскрикнула от удивления, когда телохранитель пулей пронесся мимо нее, чуть не сбив с ног, и схватил Альберта за плечи.

– У этого малолетнего негодяя есть кое-что, что по праву принадлежит вам, мисс, – прорычал Уилсон и так сильно встряхнул Альберта, что кошелек выпал.

Кэролайн взглянула на кошелек, потом на воришку.

– Неужели это правда? – спросила она, хотя доказательства были у нее перед глазами, а точнее, совсем непрезентабельно валялись у ее ног в куче конского навоза.

– Ну, что смотришь? Подними! – велел костлявому писцу Хейг.

Едва появившись, юный философ повел себя так, будто это он, а вовсе не его рослый телохранитель поймал вороватого мальчика.

– А ты, Уилсон, проучи дерзкого сопляка.

Хейг взмахнул рукой, будто отгоняя от себя зловоние навозной кучи.

– С удовольствием, сэр, – отозвался телохранитель.

Я по-прежнему находился в нескольких метрах от них. Уилсон крепко держал незадачливого вора, пока тот с ужасом посмотрел сначала на телохранителя, а потом – с мольбой – на меня.

Я стиснул зубы. Маленький негодяй! Погубил все мои замыслы, а теперь еще смеет обращаться ко мне за помощью! Вот нахал.

Но когда Уилсон, держа Альберта за загривок, кулаком ударил его в живот, мое настроение переменилось. Во мне вновь вспыхнуло ощущение творимой несправедливости, как тогда в таверне, и я бросился мальцу на выручку.

– Эй! – крикнул я, продираясь к ним сквозь толпу.

Уилсон повернулся в мою сторону. Пусть он был намного сильнее меня и отличался жестоким нравом, я не мог спокойно смотреть, как он избивает тщедушного мальчишку. То, что я сделал в следующее мгновение, не относилось к разряду джентльменского поединка. Но если хочешь остановить противника,

нет более действенного способа, чем ударить коленом ему по яйцам. Это я знал по собственному опыту, а потому действовал быстро и со всей силой. Еще мгновение назад Уилсон, негодуяще рыча, был готов отразить мое нападение. Теперь он превратился в скулящего нытика. Он сполз на землю, обхватив руками промежность.

Мэтью Хейг что-то возмущенно кричал, но я не обратил на него ни малейшего внимания.

- А ну, извинись перед леди! - велел я Альберту, хватая его за руку и тыча пальцем ему в физиономию.

- Простите, мисс, - послушно проямлил Альберт.

- А теперь пошел вон! - сказал я и толкнул его под зад.

Дважды повторять мне не пришлось. Альберта как ветром сдуло. Мэтью Хейг опять что-то возмущенно заверещал. Я же благодарил Бога, что воришка выбыл из игры и не мог больше меня выдать.

Итак, Альберта от расправы я уберег, но моя победа была недолгой. Уилсон снова был на ногах. Чувствовалось, «причинное место» у него горело огнем, но гнев телохранителя явно был сильнее боли. Уилсон был на удивление быстр. Он схватил меня в охапку и держал так, что я едва мог дышать. Я пытался вывернуться: нагнул плечо и замахнулся, целя Уилсону в солнечное сплетение. Размахнуться в моем положении я не мог, и мой противник легко погасил несостоявшийся удар. Кряхтя от боли в промежности, Уилсон куда-то меня поволок. Люди торопились убратсья с его пути. В честном поединке у меня был бы хоть какой-то шанс сопротивляться. Однако сейчас я целиком находился во власти этого силача. Злость ускоряла его движения, а силы ему было не занимать. Я боялся, что он размозжит мне голову о ближайшую чугунную тумбу, но случилось иное. Грязная земля в буквальном смысле ушла у меня из-под ног, и я оказался в воздухе. Уилсон, не глядя, швырнул меня с причала.

Что ж, я всегда мечтал плавать по далеким морям. Под звонкий смех зевак мне удалось схватиться за край веревочной лестницы. Я быстро полез по ней. К этому времени Кэролайн, Роуз, Хейг и двое его спутников уже ушли. А сверху кто-то протягивал мне руку.

– Держи, приятель. Сейчас я помогу тебе выбраться, – услышал я чей-то голос.

Я с благодарностью задрал голову, готовый принять протянутую руку... И увидел перед собой ухмыляющуюся физиономию Тома Кобли.

– Когда при тебе нет мушкета, еще и не такое случается, – сказал он.

Я даже ахнуть не успел. Удар его кулака пришелся прямо мне в нос. Я сорвался с веревочной лестницы и снова плюхнулся в воду.

6

Том Кобли убрался восвояси, а вот Уилсон вернулся. Скорее всего, он удостоверился, что Хейгу и Кэролайн ничего не угрожает, и поспешил обратно на причал. Там он и нашел меня, сидящего на ступеньках и зализывающего свои раны. Он загородил собой свет. Я поднял голову, и тут мне стало по-настоящему страшно.

– Если ты явился повторить свой трюк, на этот раз я так просто не сдамся, – сказал я.

– Не сомневаюсь, – спокойно ответил телохранитель Хейга. – Но сейчас, Кенуэй, я пришел не затем, чтобы вторично искупать тебя в море.

Мой страх сменился злостью. Я сердито посмотрел на него.

– Вот что, парень. У меня есть свои шпионы, и они мне докладывают, что некий молодой джентльмен по имени Эдвард Кенуэй несколько дней подряд расспрашивает всех о Кэролайн Скотт. Этот же молодой джентльмен на прошлой неделе участвовал в драке возле таверны «Старая дубинка», что находится на полпути между Бристолем и Хэзертоном. А мисс Скотт в тот день ездила по дороге на Хэзертон, разыскивая сбежавшую служанку. Известно мне и то, что после драки ты и мисс Скотт перебросились несколькими фразами.

Уилсон подошел так близко, что мои ноздри улавливали несвежий запах кофе, выдыхаемый им вместе с воздухом. Он меня совсем не боялся, хотя шпионы наверняка сообщили ему, каков я бываю, если меня крепко разозлить.

– Ну как, мастер Кенуэй, собранные мной сведения верны?

– Возможно.

– Я так и думал, – кивнул Уилсон. – Сколько тебе лет, парень?.. Что? Семнадцать? Почти ровесник мисс Скотт. Сдается мне, что ты на нее неровно дышишь. Я прав?

– Возможно.

– Думаю, что прав. А теперь слушай меня внимательно. Дважды повторять не буду. Мисс Скотт обещана мистеру Хейгу. Союз благословлен их родителями...

Уилсон рывком поставил меня на ноги, затем прижал мои руки к бокам. Мокрый, грязный, измотанный случившимся, я не имел сил сопротивляться, хотя и догадывался, что? последует дальше.

– Так вот, если я увижу, что ты опять ошиваешься вблизи мисс Скотт или устраиваешь новые дурацкие выходки, дабы привлечь ее внимание, ты уже не отделаешься купанием в море. Я понятно объясняю?

Я кивнул и спросил:

– А теперь ты намерен угостить и мои яйца коленом?

Уилсон мрачно улыбнулся:

– Само собой. Сказано же: око за око.

Он сдержал свое слово.

Я не сразу смог подняться на ноги и дотащить до телеги. Пострадали не только мои яйца – ощутимый удар был нанесен и моей гордости.

7

Ночью я ворочался в постели, проклиная судьбу. Я лишился шансов познакомиться с Кэролайн поближе. Она для меня была потеряна. И все из-за алчного воришки Альберта, не говоря уже о Хейге и его верзиле-телохранителе. Я снова получил по физиономии от Тома Кобли. Домой я вернулся позже обычного, и, хотя по дороге я переоделся, отец сразу почувствовал неладное.

– Ну что, опять по тавернам шляется? – хмуро спросил он. – Бог мне свидетель, если только я узнаю, что ты позоришь наше доброе имя...

– Не был я ни в каких тавернах.

Отец ошибался. Возможно, раньше я бы действительно залил свое поражение элем. Но к элю я не притрагивался со времен драки возле «Старой дубинки». Мысленно я постоянно твердил себе, что так на меня подействовала встреча с Кэролайн. В буквальном смысле оказала отрезвляющий эффект.

Но теперь я не знал, что мне делать дальше. Мне уже начинало казаться, что мое место – в грязноватых тавернах, за столами, липкими от эля, рядом с пьяными улыбками легкодоступных женщин, у которых мало зубов и еще меньше нравственных принципов. Подержаюсь еще немного, а потом свыкнусь с такой жизнью. И когда мне стукнет тридцать, я летом привычно повезу шерсть на бристольский рынок и буду думать лишь о том, как бы выгоднее ее продать. Былые надежды повидать мир покажутся мне чем-то далеким...

Однако вскоре произошли два события, изменившие все. Как-то летним днем я заглянул в бристольскую таверну «Святой Георгий и дракон». Моим соседом у стойки оказался щеголевато одетый джентльмен. Я сразу обратил внимание на его камзол с затейливыми манжетами и цветастый шейный платок. Джентльмен снял шляпу, бережно положив ее на стойку.

– Сэр, вы позволите заказать для вас еще одну? – спросил он, указывая на кружку эля, что стояла передо мной и была почти пуста.

Обычно ко мне обращались по-другому: «сынок», «парень» и даже «мальчик». И такие обращения я был вынужден терпеть ежедневно, если не ежечасно.

– Кого мне благодарить за угощение? И что вы потребуете за него взамен? – осторожно спросил я.

– Возможно, всего лишь шанс поговорить с вами, – улыбнулся незнакомец и протянул руку. – Меня зовут Дилан Уоллес. Рад знакомству с вами, мистер... Кенуэй? Я не ошибся?

Уже второй раз я встречал незнакомца, знавшего мое имя. Откуда – об этом я не имел ни малейшего представления.

– Не удивляйтесь.

Мой новый знакомый опять улыбнулся. (Во всяком случае, он был настроен ко мне гораздо дружелюбнее, нежели Уилсон.)

– Мне знакомо ваше имя, Эдвард Кенуэй. И репутация, которую вы себе снискали... в определенных кругах. К тому же я собственными глазами видел вас в действии.

– Неужто? – настороженно сощурился я.

– Представьте себе. Мне рассказывали, что для вас не редкость пускать в ход кулаки, однако вы никак не можете забыть драку, случившуюся некоторое время назад возле таверны «Старая дубинка».

– Сомневаюсь, что мне когда-нибудь позволят ее забыть, – вздохнул я.

– Вот что, сэр, я намерен сразу перейти к цели моего разговора. У вас вид человека, который привык думать своей головой и не отличается легковерностью. Скажите, вы когда-нибудь мечтали отправиться в море?

– Раз уж вы спросили, мистер Уоллес, не буду скрывать. Да, в свое время я много думал о том, чтобы оставить Бристоль.

– Так что вам мешает так поступить?

Я покачал головой:

– А вот это – хороший вопрос.

– Мистер Кенуэй, вы знаете, кого называют каперами? – Прежде чем я успел ответить, Уоллес продолжил: – Это пираты, которым британская корона выдала каперские свидетельства. Думаю, вам известно, что испанцы и португальцы давно плавают в Новый Свет и набивают сокровищами свои сундуки. Забота каперов – помешать им в этом или отобрать у них сокровища. Вам понятно?

– Да, мистер Уоллес, мне хорошо известно, кто такие каперы. Я знаю, что их пиратство неподсудно, пока они не нападают на корабли своей страны. Я не ошибся?

– Именно так, мистер Кенуэй. Вы совершенно правы, сэр. – Дилан Уоллес светился от радости, что встретил такого понятливого собеседника. – Скажите, если бы я вдруг перегнулся через стойку, налил себе кружку эля и не заплатил ни пенса, как бы это называлось? Воровством, правда? И бармен попытался бы меня задержать. А если бы я показал ему королевскую грамоту, где было бы написано, что мне дозволяется безнаказанно совершать подобные действия в тавернах? Вот об этом-то мы с вами и толкуем, мистер Кенуэй. Для вас открывается возможность плавать по далеким морям и обогащаться золотом и прочими сокровищами. Вы можете собрать их столько, сколько способен вместить корабль. И, занимаясь этим ремеслом, вы действуете не только с одобрения ее величества королевы Анны, но и помогаете ей. Вы наверняка слышали про капитана Кристофера Ньюпорта, Фрэнсиса Дрейка и адмирала сэра Генри Моргана. Все они – каперы. Как насчет того, чтобы добавить к этому блистательному списку и имя Эдварда Кенуэя?

– Так что вы предлагаете?

– Я предлагаю вам стать капером.

Я окинул его пристальным взглядом:

– И если я соглашусь подумать о вашем предложении, каков будет ваш интерес?

– Определенная сумма комиссионного вознаграждения, как всегда в подобных случаях.

– Я слышал, что в такие места вербуют чуть ли не насильно, когда человеку некуда деваться.

– Но только не людей вашего калибра, мистер Кенуэй. Не тех, кого мы рассматриваем в качестве будущих капитанов.

– И все потому, что я отличился в драке?

– Все потому, как вы себя вели в той драке, мистер Кенуэй. Во всех смыслах.

Я кивнул:

– И если я пообещаю вам подумать, освобождает ли это меня от обязанности угостить вас элем?

8

В тот вечер я ложился спать, понимая, что мне предстоит разговор с отцом. Судьба уводила меня далеко от овечьих пастбищ. Вскоре я погружусь в дерзкие и захватывающие приключения, какими изобилует жизнь капера.

Новость явно огорчит отца, но в чем-то, быть может, ему станет легче. С одной стороны, я представлял для него ценность как хороший продавец с отличными перспективами на будущее, которые бы послужили на благо нашей семьи. А с другой – мои попойки, потасовки в тавернах и, конечно же, вражда с семейством Кобли осложняли жизнь ему и матери.

Вскоре после убийства тех овец произошло новое несчастье. Как-то утром мы проснулись и обнаружили, что за ночь все овцы разбежались. Отец решил, что кто-то нарочно проделал дыры в ограде. Я ни словом не обмолвился о происшествии в гавани, но для меня было очевидно: Том Кобли затаил на нас обиду и просто так не отступит.

И все это обрушилось на отцовскую голову из-за меня. Но без меня у Кобли не будет причин продолжать свою вендетту.

Засыпая, я только и думал, как сообщить эту новость отцу. И как затем отец будет вынужден рассказать о случившемся матери.

И тут я услышал какой-то стук. Стучали в мое окно.

Я выглянул в окно, ожидая худшего. В памяти были еще очень свежи стычки с Кобли. Но вместо своего заклятого врага я увидел ее, восседающую на лошади в бледном свете луны, как будто сам Господь держал фонарь, освещая красоту наездницы. Ею была не кто иная, как Кэролайн Скотт.

Наряд Кэролайн больше подошел бы для школы верховой езды. Она была вся в темном. Высокая шляпа, белая рубашка и черный жакет. В одной руке она держала поводья, в другой – горсть камешков, которую намеревалась снова бросить в мое окно.

Этот способ привлечь внимание был мне хорошо знаком. Помню, я сам бросал камешки в окно своей подружки. Делая это, я боялся, как бы вместе с ней не проснулся весь дом. Тогда я бросал камешки, прячась за каменной стеной. Кэролайн вела себя совершенно по-иному. Сказывалась разница нашего положения в обществе. Она не боялась, что ее с криками и руганью прогонят коленкой под зад. Ведь она была Кэролайн Скотт с Хокинс-лейн в Бристолле. Она была обещана в жены сыну одного из столпов Ост-Индской компании. Естественно, ко мне она приехала тайком, но даже в этом случае Кэролайн не собиралась прятаться за каменную стену.

– Ну, – прошептала она. Я видел, как в лунном свете искрятся ее глаза. – Неужели мне так и придется просидеть всю ночь на лошади?

Конечно же нет. Через мгновение я уже был подле нее, беря поводья ее лошади и спеша увести Кэролайн подальше от дома.

– В тот день, – продолжала она, – вы изрядно рисковали, защищая того малолетнего воришку.

(«Да, да, – мысленно ответил я. – Я понимаю, на что ты намекаешь. Я и сам чувствую себя виноватым. Но не то чтобы слишком».)

– Знаете, мисс Скотт, больше всего на свете я ненавижу забияк с чугунными кулаками.

Что, по крайней мере, было правдой.

– Я так и подумала. Уже второй раз вы восхищаете меня галантностью своих действий.

– И оба раза мне посчастливилось видеть вас свидетельницей происшедшего.

– Вы заинтересовали меня, мистер Кенуэй. И ваш собственный интерес ко мне тоже не остался незамеченным.

Какое-то время мы шли в молчании. Но даже оно было исполнено глубокого смысла. Мы словно признавались во взаимных чувствах. Я шел, ощущая запах кожи ее сапога. Даже лошадиный пот не мешал мне различать тонкий аромат пудры Кэролайн. Никогда прежде я так остро не чувствовал близость другого человека.

– Думаю, вам уже известно, что я обещана в жены другому, – сказала она.

Мы остановились в проходе между полями. По обе стороны тянулись каменные стены, а дальше – зеленые пастбища с белыми пятнами уснувших овец. Воздух был теплым и сухим. Деревья замерли. Ни ветерка. Откуда-то донесся звериный рык. Возможно, то был любовный призыв, а может, крик боли. В окрестных кустах что-то зашуршало. Мы оба насторожились, ощущая себя нарушителями покоя – незваными гостями, вторгнувшимися в дом природы.

– Что ж, не думаю...

– Мистер Кенуэй...

– Мисс Скотт, вы можете называть меня просто Эдвардом.

– А вы можете продолжать называть меня мисс Скотт.

– Seriously?

– Ну хорошо, вы можете называть меня просто Кэролайн.

– Благодарю вас, мисс Скотт.

Она бросила на меня косой взгляд, пытаюсь понять, смеюсь ли я над ней или говорю серьезно.

– Эдвард, мне хорошо известно, что вы расспрашивали обо мне. Не берусь гадать, какие именно ответы вы получили, но вполне представляю себе их общий смысл. Вам сообщили, что Кэролайн Скотт помолвлена с Мэтью Хейгом и что этот Мэтью Хейг забрасывает ее любовными стихами. И что этот союз одобряет не только отец Кэролайн Скотт, что довольно очевидно, но и отец Мэтью Хейга.

Я признал, что ее догадки верны.

– Возможно, за время нашего недолгого знакомства вы сумели понять мое отношение к данному... соглашению.

– Боюсь, что нет.

– Тогда я вас просвещу. Меня мутит от самой мысли о замужестве с Мэтью. Думаете, я мечтаю всю жизнь провести в доме Хейгов? Или ждете, что я стану оказывать мужу королевские почести, закрывать глаза на его интрижки, вести домашнее хозяйство, кричать на слуг, разводить цветы, вышивать салфеточки, ходить в гости к женам таких же мужчин, как Хейг, и сплетничать с ними за чаем?

Или вы думаете, что я спрячусь за мелочным соблюдением дурацких правил этикета и потеряю себя в этом лабиринте? Поймите, Эдвард, я сейчас живу между двух миров и потому хорошо вижу каждый из них. И наиболее реальным мне видится мир, который я наблюдаю в гавани, бывая там. Наиболее реальным и наиболее живым. Что же касается самого Мэтью Хейга, мне он противен почти так же, как его поэзия.

Только не считайте меня легкомысленной девицей, попавшей в беду. Я совсем не такая, Эдвард. И сюда я приехала не затем, чтобы просить о помощи. Я приехала, чтобы помочь себе сама.

- Чтобы помочь себе, вы приехали... ко мне? - повторил я, не веря своим ушам.

- Если вы этого хотите. Следующий ход за вами. Но если вы намерены его сделать, знайте: любые отношения между нами никогда не встретят одобрения со стороны моего отца, зато будут одобрены мной.

- Прошу прощения, Кэролайн, но меня заботит не столько ваш отец, сколько его мушкет.

- Неужто вас пугает перспектива сделаться врагом семейства Хейг?

В тот момент меня не пугало ничто.

- Нет, Кэролайн, не пугает.

- Я надеялась услышать от вас эти слова.

Мы простились, условившись встретиться снова.

Так начались мои отношения с Кэролайн. Нам удавалось держать наши свидания в тайне. Несколько месяцев подряд мы встречались украдкой, и ни одна живая душа не знала об этом. Мы бродили по проселочным дорогам между Бристолем и Хэзертоном или ездили верхом по пастбищам.

Наше счастье было безоблачным, пока однажды Кэролайн не объявила, что завтра утром Мэтью Хейг явится к ним в дом и будет просить ее руки. Мое сердце остановилось.

Я не хотел терять Кэролайн. Потому что любил ее и только о ней и думал. Я наслаждался каждым мгновением наших свиданий. Каждое ее слово, каждый жест были для меня подобны нектару. Я впитывал ее запах, черты лица, любовался ее фигурой. Ее смех был для меня лучшей музыкой. Меня восхищали ее ум и аристократические манеры.

Все эти мысли разом пронеслись в моей голове. Я опустился на одно колено и взял Кэролайн за руку. Потому что ее слова вряд ли были приглашением, а скорее, прощанием со мной. И если так, свидетелями моего унижения будут лишь птицы, щебечущие в листве окрестных деревьев, да коровы на полях, глядящие на нас сонными глазами и меланхолично жующие свою вечную жвачку.

– Кэролайн, ты выйдешь за меня?

Я затаил дыхание. За все эти месяцы, на каждом свидании, при каждом поцелуе меня не оставляло тревожное чувство нереальности происходящего. Мне постоянно казалось, что со мной разыгрывают затянувшуюся шутку. Я почти ожидал, что из-за ближайших кустов выскочит давящийся от смеха Том Кобли. А если не это, если я не стану жертвой мстительного розыгрыша, тогда, быть может, я был для Кэролайн последним девическим увлечением перед тем, как покориться требованиям ее сословия. Конечно же, она откажет мне.

– Наконец-то, Эдвард, – улыбнулась она. – Я думала, ты никогда не попросишь моей руки.

9

Я не мог поверить своему счастью и, встав пораньше, отправился в Бристоль. Я знал лишь, что Мэтью Хейг собирался утром нанести визит в дом Скоттов. Стараясь не привлекать к себе внимания, я добрался до Хокинс-лейн и нашел на

ней дом Кэролайн. Возможно, Хейг уже был внутри, прося ее руки?

Что я знал о Кэролайн наверняка, так это то, что она была смелой женщиной. Пожалуй, самой смелой из всех. Вчера она была готова отринуть возможность прожить до конца дней в неге и роскоши. Более того, Кэролайн не боялась, что ее решение опозорит родителей. Я хорошо знал, до чего давящим бывает стремление ублажить отца или мать и как манит эта дорожка. Неудовлетворенная душа и душа, отягощенная чувством вины, – чей крест тяжелее?

Я не сомневался, что Кэролайн любит меня. И возможно, вчерашнее решение стать моей женой далось ей легко лишь потому, что мы были одни. Но день сменился вечером, вечер – ночью. Сколько мыслей за это время посетило голову Кэролайн, сколько сомнений? Возможно, она просто передумала и сейчас, краснея, соглашалась на предложение Мэтью Хейга и мысленно составляла прощальное письмо ко мне.

Если такое случится... что ж, у меня в запасе оставалось другое предложение – от Дилана Уоллеса.

Но тут я увидел, как парадная дверь дома Скоттов открылась и оттуда вышел Уилсон. Вскоре появился тощий писец и наконец Мэтью Хейг и Кэролайн, которую он попытался взять под руку. Последней вышла Роуз. Процессия явно куда-то направлялась.

Держась на небольшом расстоянии, я последовал за ними. Вскоре я понял, что они идут к гавани. Зачем бы Хейгу вести свою невесту туда, где пахнет навозом, кипящей смолой, свежельвленной рыбой и немывыми телами матросов, которые по несколько месяцев не видели берега и не тратили драгоценную пресную воду на мытье, я не знал.

Но процессия продолжала двигаться вдоль причала – туда, где покачивалась на волнах шхуна и уже начинала собираться толпа зевак. Часть борта судна была закрыта чем-то вроде занавеса, пряча от любопытных глаз название... Вскоре я догадался, что? все это значит.

И не ошибся. Процессия остановилась перед шхуной. На меня никто не обращал внимания, зато я видел, как беспокойный взгляд Кэролайн метался между

судном и Мэтью. Похоже, и она догадалась о цели этой прогулки в гавань.

Хейг опустился на колени. Уилсон, писец и команда шхуны стояли, заложив руки за спину. Они были готовы разразиться аплодисментами и лишь ждали, когда Хейг задаст традиционный вопрос:

– Дорогая, окажешь ли ты мне честь стать моей женой?

Кэролайн громко сглотнула и, запинаясь, пробормотала:

– Мэтью, н-нам обязательно д-делать это здесь?

Хейг покровительственно взглянул на нее, затем с нарочитой церемонностью взмахнул рукой, подавая сигнал убрать покрывало с борта. Под солнцем засверкало выкрашенное золотом название шхуны: «Кэролайн».

– Дорогая, разве можно придумать место лучше этого?

Если бы не серьезность момента, я бы, наверное, получил некоторое удовольствие, видя растерянность на лице Кэролайн. Я привык видеть ее весьма уверенной в себе. Сейчас ее глаза выражали сомнение, граничащее с паникой. Похоже, что для нее самой, как и для меня, такое состояние было в новинку.

– Мэтью, ты ставишь меня в неловкое положение.

– О Кэролайн, любезная моя, цветок редчайшей красоты... – начал Мэтью и подал знак писцу.

Тот немедленно полез в мешок за пером и бумагой, дабы записать поэтические слова хозяина.

– И как еще я мог бы преподнести тебе свой свадебный подарок? А теперь... я настоятельно прошу ответа. Прошу, под взглядом всех этих людей...

Зрелище успело собрать достаточное число зевак. Все они ждали ответных слов Кэролайн...

– Нет, Мэтью.

Хейг вскочил так резко, что едва не сбил с ног писца. Лицо Мэтью помрачнело, губы вытянулись в тонкую линию. Он с трудом сохранял спокойствие и даже выдавил из себя улыбку:

– Это... шутка, да?

– Боюсь, что нет, Мэтью. Я обещана в жены другому.

Теперь Хейг вытянулся в полный рост, словно намереваясь испугать Кэролайн. Во мне забурлила кровь. Расталкивая зевак, я начал выбираться из толпы.

– Другому, – хрипло повторил Хейг. – И кто же он, этот другой человек?

– Я, сэр, – ответил я, выходя из толпы и становясь прямо напротив Хейга.

Он смерил меня прищуренным взглядом.

– Ты! – почти заорал Хейг и плюнул в мою сторону.

Из-за спины Мэтью ко мне направился Уилсон. Глаза телохранителя были полны ярости. Еще бы, я не внял его угрозам. Недоработка!

Хейг протянул руку, удерживая телохранителя.

– Нет, Уилсон. Не здесь, – сказал он, делая особый упор на двух последних словах. – И не сейчас. Я уверен, миледи захочет хорошенько взвесить все за и против.

В толпе удивленно зашептались. Над ним были готовы посмеяться, особенно после слов Кэролайн:

– Нет, Мэтью. Мы с Эдвардом станем мужем и женой.

– А твой отец об этом знает? – спросил Хейг, повернувшись к ней лицом.

– Пока нет. Но чувствую, вскоре узнает.

Какое-то время Хейг просто стоял, дрожа от гнева. В первый (но, как показало время, не последний) раз я испытал к нему нечто вроде сочувствия. Впрочем, оно тут же прошло, поскольку уже в следующее мгновение опозоренный жених заорал на зевак, чтобы возвращались к своим делам. Потом, не меняя тона, он велел матросам снова прикрыть название шхуны. Отдав распоряжения, Мэтью демонстративно повернулся к Кэролайн спиной и бросил на меня взгляд, сочащийся ненавистью. Он зашагал прочь. За ним двинулись писец и Уилсон. Последний, встретившись со мной глазами, медленно провел пальцем себе по горлу.

Пожалуй, мне не следовало этого делать. Уилсон был не из тех, кого можно безнаказанно дразнить. Однако мне было не удержаться. Я повторил его жест и при этом нагло ему подмигнул.

10

Вот так Бристоль узнал, что Эдвард Кенуэй, фермер, разводящий овец и имеющий доход жалких семьдесят пять фунтов в год, собрался жениться на Кэролайн Скотт.

Это бы настоящий скандал. Уже одно намерение Кэролайн Скотт вступить в неравный брак породило бы множество сплетен. Но то, что она при этом публично опозорила Мэтью Хейга, взбудоражило горожан не на шутку. Возможно, этот скандал оказался нам даже на руку. Я не исключал, что мне захотят отомстить. Какое-то время Уилсон мерещился мне за каждым углом. По утрам я с дрожью в теле подходил к окну и выглядывал во двор. Но обо мне словно забыли. Уилсона я больше не видел и ничего не слышал о Мэтью Хейге.

В конце концов я понял, что угроза нашему браку исходила не из внешнего мира: не от Кобли, Эмметта Скотта, Мэтью Хейга или Уилсона. Угроза была внутренней и исходила от меня.

У меня было предостаточно времени на раздумья о причинах этой угрозы. Дело в том, что в мыслях я постоянно возвращался к встрече с Диланом Уоллесом и его посулам быстрого обогащения в Вест-Индии. Мне хотелось сколотить богатство и вернуться к Кэролайн состоятельным человеком. Вскоре я уже не сомневался: каперство – мой единственный шанс добиться успеха. Единственный шанс стать достойным Кэролайн. Не скрою, мне льстило, что я сумел увести Кэролайн Скотт из-под носа Мэтью Хейга. Однако очень скоро мое ликующее состояние сменилось ощущением... застоя. Другого слова не подберу.

Эмметт Скотт нанес мне безжалостный удар прямо на свадебной церемонии. Вроде бы нам с Кэролайн следовало благодарить ее родителей за их присутствие. Но я не чувствовал никакой благодарности и предпочел бы, чтобы свадьба прошла без них. Я с отвращением смотрел, как мой отец, теребя в руках шляпу, кланялся и лебезил перед Эмметтом Скоттом, словно тот принадлежал к родовой аристократии. Но отец Кэролайн был всего лишь купцом, и его от нас отделяло не знатное происхождение, а деньги.

Однако я радовался за Кэролайн. Приход родителей был важен для нее. Они и сейчас не одобряли наш союз. Где там! Но им хотя бы хватило здравого смысла не обрывать все нити, связывающие их с дочерью.

Краем уха я слышал слова миссис Скотт:

– Кэролайн, мы всего лишь хотим, чтобы ты была счастлива.

Я понимал: ее мать говорила за себя. Судя по глазам Эмметта, счастье Кэролайн его мало заботило. Родственные узы с семейством Мэтью были для него шансом подняться по социальной лестнице и обрести большее влияние. И вдруг эти шансы рухнули из-за своеволия дочери. Он заставил себя прийти на свадьбу, чтобы не позорить жену. А может, из желания выразить свое отношение к новоявленному зятю прямо на церковном дворе, после произнесения нами клятв.

У Эмметта Скотта были черные волосы, зачесанные на лоб, смуглые впалые щеки и рот, постоянно сжатый и похожий на кошачью задницу. Общее выражение лица у него было такое, словно он только что съел самый кислый лимон на свете.

Только единственный раз за всю церемонию его губы изобраили подобие улыбки, и он произнес:

- Приданого не будет.

Мать Кэролайн даже зажмурилась, словно предвидела этот момент и до последнего надеялась, что он не наступит. Похоже, они это уже обсуждали, и последнее слово осталось за Эмметтом Скоттом.

Мы с Кэролайн обосновались в пристройке к главному дому на ферме моего отца. Как могли, навели там порядок, однако никакие наши ухищрения не смогли скрыть убожества этого жилища. Стены его были земляными, а соломенная крыша требовала срочной починки.

Наша совместная жизнь началась летом, когда дом превращался в прохладное убежище от знойного солнца. Но зимой, с ее ветрами и сыростью, привлекательность этой лачуги исчезла напрочь. Кэролайн выросла в добротном кирпичном доме и привыкла к городской жизни. У нее хватало слуг, которые ее одевали, мыли, готовили еду и выполняли любое поручение. Выйдя за меня, она одновременно обручилась с бедностью. Стала беднячкой, приобретя себе мужа-бедняка, у которого не было никаких перспектив.

Я снова зачастил в таверны. В них ничего не изменилось, зато изменился я сам. Прежде я был холостяком, неунывающим шумным пропойцей, весельчаком. Нынче же мне казалось, что я тащу на плечах груз всего мира. Я садился спиной к залу и сидел над кружкой эля, сгорбленный, обуреваемый мрачными раздумьями. Мне казалось, будто все посетители таверны перешептываются обо мне: «Поглядите-ка, вот сидит Эдвард Кенуэй, который не в состоянии прокормить свою жену».

Разумеется, я рассказал Кэролайн о предложении Уоллеса. О планах заделаться капером. Она не сказала «нет» – в конце концов, ведь она была моей супругой, – но и «да» я от нее тоже не услышал. Глаза моей жены наполнились сомнением и тревогой.

- Я не хочу оставлять тебя одну, но хочу навсегда оставить бедность за порогом и вернуться сюда богатым, – сказал я.

Встань такой вопрос передо мной сейчас, я бы отправился без ее благословения и оставил ее одну в нашем жалком флигеле. Отец Кэролайн сказал бы, что я попросту бросил ее, а мать стала бы презирать меня за то, что сделал ее дочь несчастной.

Я оказался в безвыигрышной ситуации.

– Каперство – это опасно? – как-то спросила Кэролайн, выслушав в очередной раз мое предложение.

– Не будь это ремесло опасным, за него бы не платили большие деньги, – ответил я, и, разумеется, Кэролайн нехотя дала свое согласие на мой отъезд. А разве у нее был другой выбор? Она ведь была моей женой. Однако мне не хотелось оставлять ее на берегу с разбитым сердцем.

Как-то утром, проснувшись в состоянии похмельного отупения, я застал Кэролайн полностью одетой.

– Не хочу, чтобы ты уплывал, – сказала она и вышла.

В один из вечеров я отправился в таверну «Забористое пойло». Я был, как бы это сказать, немного не в себе. Я сидел, ссутулившись над кружкой, и жадно глотал эль в перерывах между мрачными раздумьями. Меня всегда удивляло, до чего быстро пустеют мои кружки.

Но вся горькая правда была в том, что я как раз в этот момент был самим собой. Молодой парень, всегда готовый поболтать и посмеяться, исчез. Его сменил... по-прежнему молодой парень, но несущий на своих плечах все печали мира.

С первых же дней там, на ферме, Кэролайн стала помогать моей матери. Та поначалу пугалась, пыталась возражать, говоря, что такой леди не пристало возиться с овцами. Однако Кэролайн лишь смеялась и говорила, что не собирается даром есть свой хлеб. Когда я впервые увидел ее во дворе (где еще совсем недавно она горделиво восседала на своем скакуне) в рабочей одежде: в белоснежном чепце, фартуке и рабочих сапогах, – я был горд. Но со временем

наряд жены стал все сильнее напоминать мне о моей мужской несостоятельности.

Что еще хуже, Кэролайн вовсе не тяготилась новой жизнью и не считала себя оказавшейся на нижних ступеньках социальной лестницы. Зато так считали все вокруг, и ни по кому это не било сильнее, чем по мне.

– Заказать тебе еще кружку эля? – слышалось у меня за спиной.

Я мгновенно узнал голос Эмметта Скотта. Повернувшись, я убедился, что не ошибся. Передо мной действительно стоял отец Кэролайн. Последний раз я видел его на свадебной церемонии, когда он публично отказал дочери в приданом. И вот теперь он собирался угощать элем столь ненавистного ему зятя.

Но это бич всех пьяниц мира, как мне кажется. Когда ты по горло увяз в этом деле, как я тогда, когда ты смотришь, как стремительно уменьшается эль в твоей кружке, и не знаешь, хватит ли денег еще на одну, ты готов принять угощение от кого угодно. Даже от Эмметта Скотта – твоего злейшего врага. Человека, ненавидящего тебя ничуть не меньше, чем ты его.

Словом, я согласился на угощение. Он заказал мне кружку, вторую взял для себя и, скрипнув табуретом по каменному полу, сел рядом.

Помнишь, я рассказывал про выражение лица Эмметта? Оно у него было такое, словно он только что съел самый кислый лимон на свете. Сейчас, в разговоре со мной – ненавистным ему Эдвардом Кенуэем, – его лицо буквально перекосило от злости. Я в таверне чувствовал себя как дома. А вот Эмметту здесь явно было неуютно. Он поминутно оглядывался назад, поворачивался то в одну, то в другую сторону, будто страшился внезапного нападения.

– Нам ведь так и не довелось поговорить один на один, – сказал он.

– Если помните, ваше поведение на свадьбе не очень-то способствовало разговорам, – невесело усмехнувшись, ответил я.

Как всегда, эль развязал мне язык, сделав смелее. Эль и сознание того, что я завоевал сердце его дочери. Оно и сейчас принадлежало мне. Кэролайн любила

меня, иначе не отринут бы прежнюю жизнь и не поселилась в убогой пристройке. Даже такой человек, как Эмметт Скотт, должен был это признать.

– Эдвард, мы с тобой оба люди неглупые, – без обиняков произнес он.

Внешне могло показаться, что он решил управлять ходом нашего дальнейшего разговора. Однако выпитый эль не мешал мне видеть его насквозь. Видеть истинную суть этого человека: пронырливого, напуганного человека, знавшего обман и предательство собратьев по ремеслу. Он наверняка не церемонился с теми, кто стоял ниже его на социальной лестнице. Вероятно, бил слуг, а может, и жену. Ему бы хотелось, чтобы такие, как я, лебезили перед ним, как мои родители на свадьбе. (Воспоминание об их угодливости и сейчас отозвалось во мне вспышкой гнева.)

– А что, если мы с тобой, как настоящие дельцы, заключим сделку?

Я сделал большой глоток, не спуская глаз со своего собеседника, который тоже смотрел на меня в упор.

– И какую же сделку желает предложить мне мой тесть?

Лицо Эмметта посуровело.

– Ты бросаешь Кэролайн. Можешь выгнать ее из дому. Придумай все, что захочешь. Ты ее освобождаешь и отправляешь ко мне.

– А если я соглашусь?

– Я сделаю тебя богатым.

Я залпом допил остатки эля. Эмметт вопросительно посмотрел на пустую кружку. Я кивнул. Он велел принести еще. Новую порцию я выпил едва ли не залпом. Окружающее пространство стронулось с места и поплыло.

– Сказать, куда вы можете засунуть свое предложение? – спросил я.

- Эдвард, - ответил Эмметт, подаваясь вперед, - мы оба знаем, что ты не в состоянии обеспечить мою дочь. И еще мы оба знаем: потому-то ты сейчас и сидишь здесь в полном отчаянии, что не можешь ее обеспечить и даже не знаешь, как это сделать. Да, ты ее любишь. В этом я не сомневаюсь, поскольку когда-то и я был таким же, как ты, - ни на что не годным.

- Ни на что не годным? - стиснув зубы, переспросил я.

- О да, - усмехнулся Эмметт, отодвигаясь от меня. - Сам знаешь, что это правда. Парень, ты ведь всего-навсего фермер, разводящий овец.

- А куда подевался Эдвард? Я-то думал, вы говорите со мной как с равным.

- С равным? Тебе никогда не стать равным мне, и ты это знаешь.

- Ошибаетесь. У меня есть план.

- Слышал я про твои планы. Каперство. Мечтаешь отправиться в далекие моря и сколотить себе состояние. Нет этого в тебе, Эдвард Кенуэй.

- Есть.

- Ты не обладаешь моральной устойчивостью. Пойми, парень: я предлагаю тебе выход из ямы, в которую ты сам себя закопал. И советую очень серьезно подумать над моим предложением.

Я допил остатки эля и сказал:

- Как насчет того, чтобы обдумать ваше предложение еще за одной кружкой?

- Пожалуйста.

Передо мной, как по волшебству, появилась новая кружка. Я начал переливать ее содержимое в себя, лихорадочно обдумывая предложение своего тестя. Он был прав. Самое жуткое, что я чувствовал за время нашего разговора, - это сознание его правоты. Черт бы побрал этого Эмметта Скотта, но он был прав. Я любил Кэролайн, однако не мог обеспечить ей не то что богатую, а даже мало-

мальски сносную жизнь. И если я всерьез думал о счастье Кэролайн, мне стоило согласиться на предложение ее отца.

– Она не хочет, чтобы я уплывал, – после нескольких минут молчания признался я.

– А ты-то сам хочешь?

– Я хочу, чтобы она поддержала мои планы.

– Этого она никогда не сделает.

– Я не теряю надежды.

– Если слова Кэролайн о любви к тебе соответствуют действительности, она никогда не отпустит тебя.

Я был уже сильно пьян, но даже в таком состоянии понимал всю логичность рассуждений Эмметта. Я знал, что он прав. И он это знал.

– У тебя, Эдвард Кенуэй, есть враги. Много врагов. Некоторые из них весьма могущественные. Как ты думаешь, почему они до сих пор не отомстили тебе?

– Никак испугались? – с пьяной ухмылкой спросил я.

Эмметт Скотт нахмурился:

– Они ни капли не испугались. Они оставили тебя в покое из-за Кэролайн.

– Если я приму ваше предложение, что им помешает разом напасть на меня?

– Ничего, кроме моего покровительства.

В этом я сомневался.

Я становился все пьянее. Мой тесть делался все подавленнее, но уходить пока не собирался. Его присутствие напомнило мне, каким скудным стал мой выбор.

Я попытался встать и уйти, однако ноги меня не держали. Боясь упасть, я уцепился за край стола. Отец Кэролайн подхватил меня и брезгливо поморщился. Я и глазом не успел моргнуть, как он повез меня домой. Им двигала отнюдь не забота о моей безопасности. Ему хотелось увидеть лицо дочери, когда взглянет на своего пьяного вдрызг муженька. Я нервно похихикивал, что было только на руку Эмметту Скотту.

- Пойми, Кэролайн, этот пьянчуга – конченный человек. Он и к жизни на суше не приспособлен, не говоря уже про море. Если он отправится в Вест-Индию, то страдать будешь ты.

- Отец... отец, – только и могла прошептать Кэролайн.

Не справившись с отчаянием, она разрыдалась. Я уже лежал на кровати и мог только беспомощно наблюдать за тем, как сапоги Эмметта развернулись и вышли за дверь.

- Старый навозный червяк, – заплетающимся языком произнес я. – Он ошибается на мой счет.

- Надеюсь, – ответила Кэролайн.

Хмель подстегнул мое воображение.

- Главное, что ты веришь в меня. А теперь представь корабль. Он медленно входит в гавань. Я стою на палубе. Человек, сделавший себе имя... Золотые дублоны дождем сыплются у меня из карманов. Я настолько богат, что даже не нагибаюсь за ними. Я вижу это. А ты?

Когда я отважился взглянуть на нее, Кэролайн качала головой. Нет, она не видела того же, что и я.

На следующий день, протрезвев, я тоже не видел палубы, усыпанной дублонами.

Я чувствовал, что развязка неминуема. Отсутствие перспектив становилось все осязаемее. Снова и снова я перебирал свои возможности. Их было всего две. Эмметт Скотт предлагал мне деньги за то, чтобы я вернул ему дочь. Я мог согласиться на его предложение. Или записаться в каперы.

То и другое в одинаковой степени разбивало сердце Кэролайн.

11

На следующий день я отправился к Эмметту Скотту. Я постучался в дверь особняка на Хокинс-лейн. Стоило ли удивляться, что мне открыла именно Роуз?

– Мистер Кенуэй, – пробормотала удивленная служанка, слегка покраснев.

Я спросил, могу ли видеть хозяина. Несколько секунд Роуз ошеломленно смотрела на меня, затем впустила, попросив обождать. Ожидание было недолгим. Меня провели в кабинет Эмметта Скотта. Посредине стоял внушительный письменный стол. Стены были обшиты деревянными панелями, что создавало мрачноватую и предельно серьезную атмосферу. Мой тесть стоял рядом со столом. Темные волосы и впалые щеки вместе с сумраком комнаты делали его похожим на ворона.

– Полагаю, ты внимательно обдумал мое предложение, – сказал он.

– Да. И поспешил к вам, чтобы объявить свое решение.

Эмметт сложил руки на груди. Лицо сморщилось в торжествующую усмешку.

– Ты явился выставить мне требования? И сколько же стоит моя дочь?

– А сколько вы были готовы за нее заплатить?

– Что значит «был»?

Настал мой черед улыбаться, хотя я старался не переусердствовать. Эмметт Скотт был опасен. Я помнил, что играю с опасным человеком в опасную игру.

- Это значит, что я решил отправиться в Вест-Индию.

Я знал, где искать Дилана Уоллеса. Кэролайн уже была в курсе моего решения.

- Понятно.

Эмметт обдумывал мои слова, негромко барабанил пальцами по столу.

- Но ты ведь не собираешься плавать до конца своих дней?

- Нет.

- Это противоречит условиям моего предложения.

- Да, это противоречит условиям вашего предложения. По сути, это контрпредложение. Надеюсь, вы пойдете мне навстречу. Я родом из семьи Кенуэй. У меня есть своя гордость, мистер Скотт. Надеюсь, это вы сможете понять. Поймите также, что я люблю вашу дочь, как бы вас это ни коробило. И я желаю ей добра. Ради этого я отправляюсь плавать по морям, откуда рассчитываю вернуться богатым человеком и обеспечить Кэролайн жизнь, которую она заслуживает. Такую жизнь, которую вы наверняка и сами пожелали бы ей.

Он кивал, хотя изгиб губ свидетельствовал о крайнем презрении к моим словам.

- Это все? - спросил он.

- Даю вам слово: я вернусь в Бристоль не раньше, чем по-настоящему разбогатею.

- Понимаю.

– И еще я даю вам слово не рассказывать Кэролайн, как вы пытались выкупить ее у меня.

– Понимаю, – мрачней, повторил Скотт.

– Я лишь прошу дать мне время, чтобы разбогатеть и обеспечить Кэролайн жизнь, к которой она привыкла.

– Однако ты по-прежнему останешься ее мужем. Это совсем не то, чего я хотел.

– Вы считаете меня никчемностью. Человеком, не годящимся Кэролайн в мужа. Я надеюсь доказать вам обратное. В мое отсутствие вы, вне всякого сомнения, будете часто видеться с Кэролайн. Возможно, что ваша ненависть ко мне столь глубока, что вы воспользуетесь представившейся возможностью и настроите дочь против меня. А в том, что вы это сделаете, я не сомневаюсь. Скажу больше: я ведь могу и погибнуть. Тогда Кэролайн вернется к вам навсегда. Она станет молодой вдовой, имеющей неплохие шансы снова выйти замуж... Таковы условия моей сделки. В ответ я прошу лишь одного: не чините мне препятствий и позвольте осуществить задуманное.

Он кивнул, обдумывая мои слова. Полагаю, его больше всего тешила мысль о моей возможной гибели вдали от берегов Англии.

12

Дилан Уоллес внес мое имя в список команды корабля «Император», который стоял на якоре Бристольской гавани и должен был отплыть через два дня. Вернувшись домой, я сообщил об этом родителям и Кэролайн.

Разумеется, новость была встречена слезами, вздохами и мольбами «одуматься и остаться». Но я был тверд в своем решении. Вскоре Кэролайн уехала. Нам она сказала, что ей нужно время спокойно все обдумать. И вот втроем с моими родителями мы стояли и смотрели, как Кэролайн села в седло и покинула наш двор. Что ж, пусть Эмметт Скотт узнает новость из уст дочери и убедится: я честно выполняю свою часть сделки. Я надеялся, что и он выполнит свою.

Сейчас, по прошествии лет, когда я сижу здесь и рассказываю тебе о тех событиях, я так и не знаю, остался ли он верен данному слову. Но я узнаю, причем довольно скоро. И тогда настанет Судный день...

А в те, теперь уже далекие, дни я ничего не знал. Я был молод, глуп и хвастлив. Настолько хвастлив, что, едва Кэролайн уехала, я тут же поспешил наведаться в очередную таверну. Ко мне отчасти вернулась былая живость. Я рассказывал всем и каждому, что уплываю в далекие края, где быстро разбогатею. Очень скоро мистер Эдвард Кенуэй и миссис Кэролайн Кенуэй станут богатой супружеской парой. Мои хвастливые речи вызывали не столько дружеское одобрение, сколько презрительные насмешки. Мне возражали, упрекая в самонадеянности и отсутствии надлежащих черт характера. Предрекали, что скоро я вернусь, поджав хвост, и еще больше опозорю своего отца.

За все это время улыбка не сходила с моего лица. Улыбка знающего, уверенного в себе человека. «Вот увидите», – говорила она.

Но при всей затуманенности моей головы и ввиду скорого отплытия... а возможно, именно из-за них я по-прежнему принимал слова толпы близко к сердцу. Мысленно я спрашивал себя: «Настолько ли я крепок внутри, чтобы выдержать жизнь капера? Вдруг я действительно вернусь, поджав хвост?» И конечно же, я сознавал, что могу погибнуть.

Посетители таверны были правы и в другом: я уже опозорил отца, обманув его ожидания. Едва услышав о скором отплытии, отец разочарованно взглянул на меня, и эта разочарованность навсегда осталась в его глазах. Я чувствовал его печаль. Надежды (пусть и порядком ослабевшие) на то, что я перестану бражничать и впрягусь в фермерскую лямку, которую тянули они с матерью, теперь рухнули окончательно. Я не только уплывал навстречу новой жизни, я целиком рвал с прежней. С той, которую он создал для нас троих: себя, моей матери и меня. Я отверг будущее, предначертанное ими. Решил, что стою большего.

Надо признаться, я никогда особо не задумывался о том, каким образом мое решение скажется на отношениях Кэролайн с моими родителями. Даже не знаю, с чего я решил, будто после моего отплытия она останется на ферме.

В тот вечер, вернувшись из таверны, я застал дома Кэролайн, одетой, как для вечерней прогулки.

– Ты куда собралась? – заплетающимся языком спросил я.

Кэролайн избегала смотреть мне в глаза. У ее ног белел внушительный узел. Я заметил, что сама Кэролайн одета изящнее, чем в тот день, когда уезжала от нас.

– Я... – Наконец она подняла на меня глаза. – Родители предложили мне пожить у них. И я согласилась.

– Что значит «пожить у них»? Ты живешь здесь. Со мной.

В ответ я услышал, что мне следовало бы не бросать своих родителей. Мне также следовало довольствоваться скромным заработком и дорожить тем, что имею.

Дорожить ей.

Выпитый эль мешал мне соображать, однако я попробовал убедить Кэролайн в том, что дорожу ей. Что все, что я делаю, я делаю ради нее. Но в ее ответах слышались речи ее отца. Я ожидал, что Эмметт Скотт будет настраивать ее против меня, но никак не думал, что этот грязный червяк начнет свое гнусное дело так скоро.

– Довольствоваться скромным заработком? – взвился я. – Да хуже фермерского ремесла только разбой на дорогах! Неужели ты всю свою жизнь хочешь оставаться женой крестьянина?

Я говорил слишком громко. Кэролайн выразительно посмотрела на меня. Я понял: отец вполне мог услышать мои слова. А потом Кэролайн ушла. Я выскочил следом, уговаривая ее остаться. Все было напрасно.

Наутро, протрезвев, я вспомнил события вчерашнего дня. Родители смотрели на меня хмуро, с упреком. Кэролайн не только пришлась им по душе. Они успели ее полюбить. Моя жена не только помогала матери по хозяйству, она заменила ей

дочь, умершую в младенчестве. Кроме того, она вела бухгалтерию и научила писать меня и мою мать.

А теперь Кэролайн уехала. Уехала, поскольку я не хотел довольствоваться своей участью и жаждал приключений. Скука здешней жизни сделалась настолько невыносимой, что уже и эль не помогал.

Она спрашивала, почему я не могу быть счастлив с ней. Но я действительно был счастлив с нею.

Она спрашивала, почему я не могу довольствоваться своей жизнью. Но я действительно не мог.

Я отправился в дом на Хокинс-лейн, чтобы убедить Кэролайн изменить решение. Она по-прежнему оставалась моей женой, а я – ее мужем. Все, что я делал, делалось для блага нашей семьи, для блага нас обоих, а не только меня.

(Думаю, я тогда сам себя дурачил, убеждая, будто это правда. Возможно, но лишь отчасти. Я знал, да и Кэролайн, думаю, тоже знала: помимо желания разбогатеть и создать ей обеспеченную жизнь, мной двигало еще и желание повидать мир за пределами Бристоля.)

Разговора у нас не получилось. Кэролайн тревожило то, что меня могут ранить и даже убить. Я обещал ей беречь себя, говорил, что обязательно вернусь с большими деньгами или пошлю за ней. Я просил ее верить в меня, верить мне, но она будто бы ничего не слышала.

Вернувшись домой после бесплодного разговора с Кэролайн, я собрал свои нехитрые пожитки, взвалил их на лошадь и сам забрался в седло. Глаза отца и матери были полны укора. Они буравили мне спину... нет, пожалуй, впивались в нее, как стрелы. Весь путь до Бристоля я не мог освободиться от тяжести на сердце.

В гавани меня ждал новый сюрприз. Со слов Уоллеса я знал: «Император» должен отплыть поздно вечером. Но вместо судна, готового в отплытию, я увидел опустевшую палубу, рядом с которой шестеро матросов, сидя на бочках, резались в кости, не забывая глотать ром из кожаных фляжек.

«Император» строился как торговое судно. Затем его приспособили под нужды каперов, и теперь он бороздил воды далеких морей. Но сейчас фонари не горели, и только луна освещала палубные полы и перила. Я залюбовался внушительными пропорциями спящего великана. Здесь мне предстояло нести вахту. Спать в гамаке в одной из кают. Я осматривал свой новый дом.

В то время как один из матросов внимательно осматривал меня самого.

– Эй, парень, тебе чем-нибудь помочь? – спросил он.

Я проглотил комок слюны, чувствуя себя неопытным мальчишкой. А вдруг то, что обо мне говорили отец Кэролайн, посетители таверны и сама Кэролайн, – правда? Вдруг я и впрямь не гожусь для жизни в море?

– Я ваш новый матрос. Меня сюда определил Дилан Уоллес.

Четверо матросов усмехнулись и посмотрели на меня с еще большим интересом.

– Дилан Уоллес? Этот вербовщик? Он уже поставлял нам людей. А что ты умеешь, парень?

– Мистер Уоллес посчитал меня годным к матросскому ремеслу, – ответил я, надеясь, что в моем голосе слышится больше уверенности, чем было у меня внутри.

– А как у тебя со зрением? – спросил кто-то.

– Все в порядке.

– Головка не кружится на высоте?

Их пальцы указывали на самую высокую мачту «Императора», где в «вороньем гнезде» обычно сидел впередсмотрящий.

– Мистер Уоллес говорил, что мне в основном придется исполнять обязанности палубного матроса.

О том, что вербовщик видел во мне будущего капитана, я умолчал. Я был молод и горяч. Но никак не глуп.

– А шить ты умеешь, парень? – Они явно насмеялись надо мной.

– Какое отношение шитье имеет к каперству? – спросил я с долей своей привычной наглости, хотя и признавал опрометчивость такого поведения.

– Самое прямое: палубный матрос должен уметь шить, – ответил мне другой игрок в кости.

Как и у остальных, его волосы были заплетены в просоленную косицу. Шею и руки покрывала татуировка.

– И узлы надо уметь вязать, – добавил он. – С узлами-то у тебя как?

– Всему этому я могу научиться.

Я смотрел на свернутые паруса «Императора», на замершие петли снастей, на остов с медными стволами пушек, торчащими из оружейной палубы. Я видел себя одним из матросов, сидевших сейчас на опрокинутых бочках. Вскоре и мое лицо станет обветренным и просоленным. А глаза заблестят от опасностей и приключений, ждущих впереди. Словом, я видел себя в числе тех, от кого зависела судьба корабля.

– Матрос должен быть мастером на все руки, – вступил в разговор третий. – Тебе придется и остов от ракушек очищать, и шлюпки смолить.

– И к качке, сынок, тебе тоже нужно будет привыкнуть, – сказал мне четвертый. – Чтобы кишки не выворачивало, когда палуба ходуном ходит. Бывает, волны через нее так и хлещут. И ураган ревет, не чета здешним ветрам. Не струсишь?

– Думаю, что нет. – Их расспросы с издевкой начинали меня злить. – Иначе мистер Уоллес не предложил бы мне поступить в каперы.

Они переглянулись. Атмосфера слегка накалилась.

– Да ну? – усмехнулся тот, кто сидел ко мне ближе всех, болтая ногами. Его парусиновые штаны давно не видели воды и мыла. – И с чего это вербовщик решил, что из тебя получится хороший матрос?

– Он видел меня в деле и подумал, что и в сражении я буду действовать не хуже.

– Значит, боец, – заключил матрос и встал.

– Так и есть.

– Ну, по части драк тебе будет где развернуться. Начинай хоть завтра. Может, я тебе компанию составлю.

– Что значит «завтра»?

Матрос снова сел, готовый возобновить игру.

– Завтра, когда снимемся с якоря.

– Мне говорили, что мы отплываем сегодня.

– Завтра значит завтра, парень. Капитана еще нет на борту. Как появится, мы тут же поднимем паруса.

Возможно, своим дерзким поведением я нажил на корабле первых врагов. Но пока у меня было время, я собирался исправить хоть одно из тех зол, что успел натворить. Я развернул свою лошадь и поскакал домой.

Я торопился в Хэзертон. Домой. Зачем я туда возвращался? Возможно, попросить у родителей прощения. Возможно, еще раз объяснить свое решение. Как-никак я был их сыном. Вдруг отец увидит во мне что-то от своих юношеских мечтаний? И

если такое случится, быть может, он простит меня?

Чем ближе к дому, тем отчетливее я сознавал, что нуждаюсь в отцовском прощении. И в материнском тоже.

Стоит ли удивляться, что из-за этих мыслей я утратил бдительность?

Я был уже совсем близко. Дорога в этом месте сужалась, а деревья, росшие по обе стороны, почти смыкались верхушками. И вдруг я уловил какое-то движение вдоль живых изгородей. Я остановил лошадь и стал прислушиваться. Откуда-то сверху раздался резкий свист. Сигнал! И опять впереди что-то задвигалось, но теперь это что-то находилось уже на дворе нашей усадьбы.

У меня гулко заколотилось сердце. Пришпорив лошадь, я помчался ко двору. В темноте мелькнул факел. Не фонарь, а именно факел. Что означало только одно – поджог. В колеблющемся свете пламени я разглядел несколько фигур. Все они были в капюшонах.

– Эй! – громко крикнул я, стараясь разбудить родителей и отпугнуть нападавших. – Эй, вы!

Факел взмыл в ночное небо, закружился оранжевым колесом и, разбрасывая снопы искр, упал на соломенную крышу нашего дома. Она была сухой, как трут. Летом, когда опасность пожара возрастала, мы старались поливать крышу водой. Но постоянно находились дела поважнее, и крыша оставалась неполитой. Наверное, в последний раз мы поливали ее неделю назад, потому что она мгновенно занялась.

Поджигателей было трое или четверо. Как только я влетел во двор, на меня бросились из темноты. Чьи-то руки схватили меня за камзол и стащили с лошади.

Я больно ударился о землю. Поблизости тянулась каменная стена. Оружие. В этот момент кто-то встал надо мной, загородив луну. Лицо его было скрыто капюшоном. Прежде чем я успел что-то предпринять, незнакомец склонился надо мной. Я слышал его тяжелое дыхание и видел, как подрагивает ткань капюшона возле рта. Он ударил меня кулаком по лицу. Я скривился от боли. Второй удар пришелся по моей шее. Рядом появился еще кто-то. Блеснула сталь

лезвия. Я понимал, что бессилён им противостоять, и приготовился умереть. Однако тот, кто меня ударил, остановил второго резким: «Нет!» Это уберегло меня от удара мечом, однако я тут же получил удар сапогом в живот.

Я узнал этот сапог.

На меня продолжали сыпаться удары. Затем мой истязатель убежал. Я перевернулся на избитый живот и закашлял от едкого дыма, силясь не потерять сознание. Это было мощным искушением. Провалиться бы в небытие, не чувствовать боли. И покориться своей судьбе.

Топот ног подсказывал, что поджигатели уходят. Они что-то кричали, но слов было не разобрать. В это время громко заблеяли перепуганные овцы.

Я заставил себя прийти в сознание. Я был жив, это главное. Такой шанс нельзя было упускать. Я должен спасти родителей. Я уже тогда знал, что напавшие на нашу ферму дорого заплатят за содеянное. Хозяин сапог пожалеет, что не воспользовался подвернувшейся возможностью и не убил меня. В этом я был уверен.

Кое-как я поднялся на ноги. Весь двор заволокло дымом. Он плавал в воздухе, как пелена тумана. Один хлев уже вовсю горел. Горел и подожженный дом. Нужно было, не мешкая, будить родителей.

Отсветы пожара окрасили землю в оранжевый цвет. До моего слуха донесся топот копыт. Мелькнули силуэты удалявшихся всадников. Они свое черное дело сделали. Я схватил камень, собираясь метнуть его им вдогонку. Но у меня была забота поважнее. Кряхтя от натуги и боли, я швырнул камень в окно нашего дома.

Послышался звон стекла. Я молил Бога, чтобы эти звуки разбудили родителей. Дым во дворе стал еще гуще. Пламя гудело так, словно оно выплеснулось из недр ада. В горящих хлевах отчаянно блеяли овцы. Оттуда пахло паленой шерстью и горелым мясом.

Дверь дома открылась. Отец выскочил наружу, стараясь избегать языков пламени. Мать он держал на руках. Отцовское лицо не выражало ничего, глаза были пустыми. Убедившись, что мать жива и не обожглась, отец осторожно

положил ее на землю, неподалеку от места, где стоял я. Потом он выпрямился и несколько секунд беспомощно смотрел на горящий дом. Словно очнувшись, мы оба бросились к ближайшему хлеву, откуда еще слышалось блеяние овец. Но вскоре оно стихло. Все наше стадо – источник существования родителей – погибло в огне. Лицо отца было мокрым от выступившего пота и блестело в отсветах пожара. А потом отец сделал то, чего не делал никогда в своей жизни. Он заплакал.

– Отец...

Я потянулся к нему, но он резко отстранился, сердито передернув плечами. Когда же он снова повернулся, я увидел светлые борозды, оставленные слезами на его щеках. Казалось, последние крупы самообладания отец употребил на то, чтобы не броситься на меня с кулаками.

– Отрава. Вот ты кто, – произнес он сквозь зубы. – Отрава. Разрушитель нашей жизни.

– Отец...

– Убирайся прочь. – Он плюнул мне под ноги. – Вон отсюда. Я больше не желаю тебя видеть. Никогда!

Мать шевельнулась, словно хотела что-то возразить. Но мне было невыносимо видеть ее лицо, и, чтобы не усугублять ее страдания, я вскочил на лошадь и покинул пепелище.

14

Я скакал в ночи, сопровождаемый горем и яростью. Мой путь лежал в «Старую дубинку», где все это однажды началось. Я ввалился туда, держась одной рукой за грудь. Мое лицо, которому изрядно досталось, и сейчас еще саднило от ран.

Все разговоры в зале мгновенно стихли. Внимание посетителей обратилось ко мне.

– Я разыскиваю Тома Кобли и его пронырливого сына, – сказал я, хмуро оглядывая зал и тяжело дыша. – Они были здесь?

Вместо ответа посетители поворачивались ко мне спиной и опускали плечи.

– Нам здесь не надо лишних бед, – отозвался из-за стойки Джек, хозяин таверны. –хлопот, что ты нам доставил, хватит на всю оставшуюся жизнь. Благодарим тебя покорно, Эдвард Кенуэй.

Он имел обыкновение слеплять слова в один ком, а потому я услышал что-то вроде «бладримтяпкорно».

– Настоящие хлопоты начнутся у тебя, Джек, если ты где-то прячешь обоих Кобли, – пригрозил я и шагнул к стойке.

Я знал, что с внутренней стороны стойки на гвозде висели ножны с мечом. Джек потянулся за оружием, но я его опередил. Превозмогая боль, я перегнулся через стойку и выхватил меч из ножен.

Джек был не настолько проворен. Он даже не понял, почему меч, к которому он тянулся, вдруг оказался приставленным к его горлу. «Бладримтяпкорно».

По стенам таверны плясали тени, отбрасываемые неярким пламенем очага. Из сумрака на меня смотрели сощуренные, настороженные глаза собравшихся.

– А теперь говори: Кобли уже появлялись здесь сегодня? – потребовал я, приставляя меч к глотке Джека.

– Ты же вроде должен был отплыть на «Императоре» этим вечером, нет? – спросил меня кто-то.

Лицо спросившего пряталось в сумраке. Голос был мне незнаком.

– К счастью, планы изменились, иначе мои родители заживо сгорели бы во сне. – Я поднял голос. – Не этого ли хотелось всем вам? Опоздай я немного, и эта затея удалась бы. Вы знали о готовящейся расправе?

В зале установилась мертвая тишина. Из сумрака на меня смотрели глаза мужчин, с которыми я выпивал и, случалось, дрался. Глаза женщин, в чьих постелях я успел когда-то побывать. Эти люди умели хранить секреты. И они ни за что не раскроют своих тайн.

Снаружи послышался скрип подъехавшей телеги. Его услышал не только я. Обстановка в таверне стала еще напряженнее. Возможно, Кобли решили разыграть спектакль, показав свою непричастность к поджогу. Не убирая меча от его горла, я выволок Джека из-за стойки и потащил к двери.

– Всем сидеть молча, – предупредил я. – Скажете хоть одно чертово слово – и я перережу Джеку глотку. Я намерен отомстить лишь тому, кто сегодня бросил факел на крышу нашего дома.

Снаружи слышались голоса. Я узнал Тома Кобли. Я спрятался за дверь, а Джека подтолкнул вперед, загоразиваясь им, как щитом. Острие меча упиралось ему в затылок. В зале продолжала стоять гробовая тишина. Это насторожило троих вошедших, но не сразу. Драгоценные секунды были ими упущены.

Хрипловатый смех Тома быстро стих. Потом я увидел сапоги, что узнал там, на ферме. Сапоги Джулиана. Выскочив из-за двери, я ударил этого прихвостня мечом в грудь.

«Напрасно ты не убил меня, когда у тебя была такая возможность». Эти слова высекут на моем надгробии.

Джулиан замер в дверном проеме. Выпучив глаза, он посмотрел на меч, застрявший в груди, потом на меня. Это было последнее, что он видел перед смертью. Правда, он еще успел плюнуть кровью мне в лицо... Я никогда не подсчитывал число убитых мной. Но их список начался с Джулиана.

– Том! Здесь мальчишка Кенуэй! – слышалось из темноты зала.

Предупреждение было излишним. Даже такой болван, как Том Кобли, к этому моменту и сам догадался, кто ждет его в таверне.

Глаза Джулиана остекленели. Мертвое тело сползло с меча и повалилось на пол, словно работник Кобли изрядно перебрал и уже не держался на ногах.

Судя по лицу Тома и Сета, они увидели призрака. Оба стояли, разинув рот. Конечно же, они предвкушали, как вернуться сюда, будут лакать эль и хвастать одержанной победой, рассказывая о веселом ночном приключении. Увидев меня, они пустились наутек.

Тело Джулиана загораживало проход, и это подарило моим противникам пусть и небольшое, но преимущество во времени. Перебравшись через убитого, я выскочил наружу. Сет споткнулся и упал. Видя это, Том и не подумал помочь сыну. Петляя, он бежал через дорогу, направляясь к дому на другой стороне. Я мигом оказался возле Сета. Поглядывая на окровавленный меч, я подумал, не сделать ли этого слизняка вторым убитым. Кровь во мне бурлила. Позже я не раз слышал, что труднее всего убивать впервые. Думаю, мир был бы мне только благодарен, избавь я его от Сета Кобли.

Но нет. На милосердие по отношению к Сету меня толкнуло сомнение. А вдруг его на погроме не было? Такая вероятность существовала, пусть и ничтожная.

Я ограничился тем, что эфесом меча ударил Сета по затылку и был вознагражден его пронзительным воплем. Потеряв сознание, Сет распластался в придорожной пыли, а я со всех ног бросился догонять Тома.

Знаю, о чем ты сейчас думаешь. У меня не было доказательств причастности Тома к поджогу родительской фермы. Но я просто знал, что он там был. Просто знал.

Том намеревался перелезть через невысокую каменную ограду, когда рискнул обернуться и заметил меня. Кобли-старший испуганно пискнул. Надо отдать ему должное: двигался он очень даже проворно для своих лет – не исключено, что от испуга. Я быстро достиг ограды, перебросил меч в другую руку, перепрыгнул, приземлился и продолжил погоню.

Я был совсем близко. Ноздри улавливали зловоние его пота. Но тут Том достиг какой-то пристройки и исчез из виду. Невдалеке послышался скрип сапог. Похоже, во дворе появился кто-то третий. Может, Сет? Или хозяин дома? А может, какой-нибудь пьянчуга из «Старой дубинки»? Однако сейчас меня

занимал только старший Кобли, и я сосредоточился на нем.

У стены пристройки я опустился на корточки и превратился в слух. Где бы сейчас ни прятался Кобли, он замер. Я оглянулся по сторонам. На фоне серого ночного неба чернел хозяйский дом. Жужжали насекомые. Иногда в хлеву сонно мекала коза. Окна таверны по-прежнему светились, но оттуда не доносилось никаких звуков.

Тишина становилась давящей. И тут я услышал хруст гравия по другую сторону пристройки. Понятно: Кобли поджидал меня там, надеясь, что я брошусь на него сломя голову с этой стороны флигеля.

Я оценил наши позиции. Стараясь ничем себя не выдать, я медленно пополз к противоположному углу. Несколько раз мои сапоги чиркали по гравияю, и я молил Бога, чтобы звук не достиг ушей Кобли. Добравшись до угла, я осторожно высунул голову. Если мои расчеты оправдались, я сейчас увижу Тома лежащим в засаде возле другого края. Если нет, могу напороться на его нож.

Я затаил дыхание. Мои расчеты оказались верными! Том Кобли ждал моего появления с другой стороны, держа наготове нож. Я бы мог в три прыжка оказаться рядом и ударить его мечом в спину. Он бы и ахнуть не успел.

Но нет, он был нужен мне живым. Я хотел узнать о его сообщниках и, прежде всего, о том высоком, с кольцом на пальце, кто не позволил Джулиану убить меня.

Потому я бросился к Тому с намерением отсечь ему правую руку.

Увы, из-за тогдашнего моего неумения обращаться с мечом план не удался. А может, причиной было затупившееся лезвие? Я нанес удар, держа меч обеими руками. Лезвие пропороло Тому рукав и вонзилось в руку, но не отсекло ее. Тем не менее удар заставил его выронить нож.

Кобли с криком завалился набок. Он схватился за раненую руку. Хлынувшая кровь забрызгала стену пристройки и землю. В этот момент появился неведомый мне третий, о существовании которого я успел забыть. Предпринять что-либо я уже не сумел. Через мгновение он вышел в полосу лунного света. Из-под капюшона на меня смотрели равнодушные глаза. Одет незнакомец был так, как

одеваются фермеры. Вот только его сапоги были совсем чистыми.

Бедняга Том Кобли. Он не заметил угрозы и напоролся на меч незнакомца – сталь легко прошла насквозь. Том глянул на окровавленное лезвие, торчащее у него из груди, и пробормотал последние слова. Незнакомец изменил положение руки. Тело Тома само сползло с меча и тяжело рухнуло на грязную землю.

Слышала изречение: «Враг моего врага – мой друг»? Что-то в этом роде. Но всегда найдутся исключения, подтверждающие правило. Для меня исключением был этот человек в капюшоне, с окровавленным мечом в руке. Моя шея и лицо и сейчас еще болели от печатки его кольца. Почему же он убил Тома Кобли? Этого я не знал и не хотел знать. Издав боевой клич, я бросился на него с мечом. Наши лезвия схлестнулись и зазвенели в ночной тишине, словно колокола.

Незнакомец легко отражал мои удары. Один. Второй. Какая там атака! Я был вынужден обороняться, делая это хаотично и неуклюже. Сказать, что я плохо сражался? Да я вообще не умел сражаться. Я размахивал мечом так, словно он был простой палкой. А незнакомец, едва взмахнув своим оружием, ранил меня в руку. Боль обожгла мне предплечье. Рукав стал мокрым от крови. Вместе с кровью из моей правой руки уходила сила. Мы уже не сражались. Он просто играл со мной. Решил позабавиться, прежде чем убить меня.

– Покажи свое лицо, – потребовал я, но незнакомец не удостоил меня ответом.

Единственным признаком того, что он слышал мои слова, была легкая усмешка в его глазах. Он совершил обманный маневр, а мне чуть-чуть не хватило скорости... Нет, не чуть-чуть. Я едва шевелился и не мог помешать ему ранить меня вторично.

Еще удар. И еще. Постепенно я сообразил, что он полосует меня со скрупулезностью медика, имея намерение причинить мне боль, но не покалечить. Я даже не почувствовал, как выронил меч. Теперь он валялся на земле, а на лезвие капала кровь из моих ран.

Сам не знаю, почему я ждал, что он откинет капюшон. Этого не произошло. Меч незнакомца уперся мне чуть ниже подбородка. Другой рукой он подал знак стать на колени.

– Ты плохо знаешь меня, незнакомец, если думаешь, что я встречу свой конец на коленях. – Я почему-то испытывал странное спокойствие перед лицом поражения и смерти. – Если тебе все равно, я предпочту быть убитым стоя.

Он заговорил ровным глухим голосом. Будто не своим.

– Эдвард Кенуэй, этой ночью тебе не суждено встретить свой конец. Слушай меня внимательно. Если на рассвете «Император» отплывет без тебя, все, что случилось, явится лишь началом бедствий для каждого, кто носит фамилию Кенуэй. Если ты покинешь Бристоль, больше ни один волос не упадет с головы твоих родителей. А если останешься, их страдания продолжатся. И твои тоже. Я понятно выражаюсь?

– Могу ли я узнать, кто они – мои милосердные враги? – спросил я.

– Нет, не можешь. Тебе достаточно знать, что в мире есть силы, могущество которых таким, как ты, Эдвард Кенуэй, даже не снилось. Сегодня ты видел их в действии. Ты пострадал от их рук. Надо положить этому конец. А чтобы уберечь родителей от дальнейших бед, навсегда забудь дорогу в здешние края... Теперь, Эдвард Кенуэй, становись на колени.

За этим приказом последовал удар эфесом мне в висок. Очнулся я уже на борту «Императора».

15

Во всяком случае, я думал, что нахожусь на борту «Императора». Очень на это надеялся. С раскалывающейся от боли головой я выбрался из гамака, натянул сапоги, поднялся на палубу и вдруг рухнул на доски.

Я едва не расшиб физиономию и теперь, кряхтя, лежал на досках, удивляясь, почему чувствую себя как после похмелья. В тот день я вообще почти не пил. Вскоре я сообразил: похмелье здесь ни при чем.

Но если я трезв, почему качается палуба? Ее качало то в одну, то в другую сторону. Я ждал, когда палуба прекратит качаться, пока не сообразил: качка не прекратится.

Я встал. Ноги разъезжались в разные стороны, чертя борозды в опилках. Я раскинул руки, словно балансировал на узком бревне. Тело еще болело после недавних событий, но, кажется, я шел на поправку. Раны постепенно затягивались.

Еще одним моим открытием стала густая, крепкая смесь запахов. Нет, не запахов. Зловоние – вот как это называлось.

До чего же здесь воняло! Дерьмом, мочой, по?том и морской водой. Вскоре я узнал, что этим отличаются все нижние палубы. Но как у каждой мясной лавки и каждой таверны есть свой запах, так и каждая нижняя палуба обладала собственной вонью. И страшно подумать, до чего же быстро ко всему этому привыкаешь.

Все эти запахи, несомненно, исходили от людских тел. А команда «Императора» насчитывала полторы сотни человек. И те, кто в данный момент был свободен от вахты, то есть не драил палубы, не висел на снастях и не шуровал на камбузе, спали прямо на лафетахпушек или в гамаках, вроде того, в котором проснулся я.

Внезапно палубу накренило, и меня отшвырнуло к ближайшей опоре. Схватиться за нее я не успел и вскоре столь же безжалостно полетел в обратном направлении, шмякнувшись о другую опору. Привычка к морской качке. У меня она пока отсутствовала напрочь.

– Это «Император»? – спросил я полумрак.

Скрип корабельных снастей. И к нему я тоже должен был привыкнуть наравне с качкой и зловонием нижних палуб.

– Само собой, «Император», – последовал ответ.

– Я новичок на корабле, – крикнул я в темноту, цепляясь за опорный столб.

– Да ну! А по тебе и не скажешь, – ответили мне со смешком в голосе.

– Давно мы с якоря снялись?

– Да, почитай, уже целый день плывем. Тебя притащили не то сонного, не то бездыханного. Хорошенько же ты наакался на своей отвальной.

– Было такое, – ответил я, мертвой хваткой вцепившись в столб.

Я мысленно вернулся к событиям минувшего дня. Это было все равно что прикоснуться к открытой ране, не успевшей покрыться коркой и потому очень болезненной. Мне требовалось время, чтобы разобраться в случившемся, сжиться с чувством вины и написать письма. (Без уроков Кэролайн я не написал бы и строчки. Вспомнив об этом, я почувствовал острый привкус раскаяния.) Но всем этим я займусь потом.

За спиной у меня что-то заскрипело. Обернувшись, я подождал, пока глаза не привыкнут у сумраку нижней палубы. Потом я увидел кабестан. Сверху слышался топот ног и громкие голоса матросов. Кабестан снова заскрипел и пришел в движение.

– Поднимайте! – крикнули сверху. – Вы что, оглохли? Поднимайте!

Даже отвратительный скрип кабестана не помешал мне почувствовать себя маленьким любопытным мальчишкой.

Я огляделся. По обе стороны тянулись лафеты корабельных пушек. Их стволы тускло поблескивали. На другом конце палубы я заметил веревочную лестницу и квадрат дневного света. Я добрался до нее и поднялся на ют.

Вскоре я понял, каким образом у матросов развивается умение ходить по качающимся палубам. Мало того что их одежда отличалась от сухопутной: здесь носили короткие куртки, клетчатые рубашки и длинные парусиновые штаны. Отличалась и сама манера ходьбы. Казалось, тела матросов движутся вместе с кораблем, и это происходит инстинктивно. В течение первых двух дней я только и делал, что цеплялся за опорные столбы и прочие предметы, когда корабль кренило или качало. Я неоднократно распластывался на палубе, что каждый раз

вызывало всплеск матросского смеха. Но вскоре я научился двигаться в такт кораблю. Я также свыкся со звоном нижних палуб, с постоянным скрипом переборок и снастей. Как и с сознанием того, насколько тонка деревянная проконопаченная и просмоленная скорлупа, отделяющая тебя от безбрежной водной стихии.

Большинство матросов ходили в шарфах, небрежно обмотанных вокруг шеи, или носили шейные платки. Почти у всех были татуировки, борода и тяжелые золотые серьги в ушах. Кожа каждого из моих сослуживцев имела коричневый оттенок. Некоторые матросы по возрасту годились мне в отцы. Их обветренные, морщинистые лица напоминали растопленный свечной воск. У них был характерный настороженный взгляд из-под полуприкрытых век. Я оказался чуть ли не самым молодым на корабле. Основная часть матросов была лет на десять старше меня.

Как я потом узнал, «Император» собрал под своими парусами выходцев из всех уголков Англии, Шотландии и Уэльса, включая Лондон и западные графства. Примерно треть команды состояла из чернокожих. Среди них хватало беглых рабов, рассчитывавших, что на море они обретут свободу и что капитан и команда станут относиться к ним как к равным. В действительности отношение капитана и команды зачастую почти не отличалось от отношения их бывших хозяев. И здесь их считали сбродом. Были на корабле и уроженцы американских колоний – в основном парни из тамошних городов: Бостона, Чарлстона, Ньюпорта, Нью-Йорка и Сейлема. Большинство матросов постоянно ходили вооруженными до зубов саблями, кинжалами и кремневыми пистолетами. Пистолетов за поясом у них было несколько, на случай если один даст осечку. А такое случалось сплошь и рядом.

Матросы предпочитали элю ром. Их речь изобиловала крепкими ругательствами. О женщинах они говорили не иначе как грязно. Больше всего они любили громогласные споры. Но были две взаимосвязанные силы, способные обуздать это стадо: корабельный устав и капитан.

Капитаном «Императора» был шотландец Александр Дользелл: рослый, редко улыбающийся человек. Приверженец строгого соблюдения корабельного устава, он очень любил напоминать матросам о важности каждой статьи. Обычно он стоял на юте, вцепившись в поручни, а мы собирались на шканцах, главной палубе и баке. Капитан в который уже раз предупредил: всякого, кто заснет на вахте, измажут смолой и изваляют в перьях. Всякий, пойманный на

мужеложестве, будет кастрирован. Курение на нижних палубах категорически запрещалось. Мочиться в балласт – тоже. (Как я уже говорил, эту статью я затем внес в устав своего корабля.)

Мне, новичку, эти правила казались чем-то само собой разумеющимся. Я и подумать не мог об их нарушении.

Довольно скоро я втянулся в ритм морской жизни. Я привык к качке и узнал, по какой стороне палубы лучше ходить в зависимости от направления ветра. Я научился есть, удерживая тарелку локтями, чтобы ее не сбросило со стола. Научился измерять глубину в местах, где существовала опасность сесть на мель. Вахты на палубе чередовались с многочасовыми сидениями в «вороньем гнезде» на мачте. Слушая разговоры бывалых матросов, я усваивал азы мореплавания. Я говорю не об их хвастливых и изрядно приукрашенных рассказах о сражениях с испанцами, а о крупницах навигационной мудрости, запечатленной в поговорках вроде этой: «Красный закат – моряк будет рад. Красный восход – жди от моря хлопот».

Изменчивость погоды, капризы ветров. Мы были их рабами, с которыми они могли сделать что угодно. Стоило погоде поменаться, как смех, шутки, разговоры и споры мгновенно стихали. На корабле воцарялась мрачная сосредоточенность, которая могла длиться дни и ночи напролет. Главной заботой было удержать судно на плаву. Мы ели и спали урывками, не давая ураганным ветрам порвать паруса, латали пробоины, откачивали воду. Все это делалось без лишних слов, с предельной серьезностью людей, понимающих, что они спасают не только корабль, но и свои жизни.

Штормы выжимали из меня все силы, но я был обязан держаться на ногах. В любой момент меня могли послать на мачту или в трюм – откачивать воду. Если удавалось вздремнуть полчаса, я выбирал уголок, где меньше сквозило, и проваливался в сон.

Но тучи рассеивались, снова появлялось солнце, и привычная корабельная жизнь брала свое. Я смотрел на бывалых матросов, на их попойки, отчаянный азарт в играх, распутство с портовыми шлюхами и понимал, насколько скромными были мои подвиги в бристольских тавернах. И не только мои. Многие завсегда таи таверн, похвалявшиеся умением пить не пьянея и считавшие свои кулаки самыми крепкими... видели бы они моих нынешних сослуживцев! Ссоры между матросами возникали на ровном месте. Их участники мгновенно хватались за

ножи и кинжалы. Лилась кровь. За первый месяц плавания я слышал хруст ломающихся костей чаще, чем за все семнадцать лет своей жизни. А ведь я, если помнишь, рос в Суонси и Бристоле.

Однако жестокие схватки прекращались столь же быстро, как и вспыхивали. Казалось, противники вот-вот перережут друг другу глотки, а через мгновение они уже крепко обнимались, словно закадычные друзья. Видеть это было столь же дико, как и их потасовки, но желаемый результат был достигнут. Согласно корабельному уставу, любые серьезные разногласия между матросами полагалось решать на берегу, в поединке на мечах или пистолетах. Разумеется, этого никто не хотел. Одно дело поссориться, и совсем другое – погибнуть на дуэли. И потому все ссоры длились считанные минуты. Противники выплескивали взаимную злость и успокаивались.

Случаи серьезной, неутихающей вражды были достаточно редкими. Так что мне просто «повезло» почти сразу же нажить себе смертельного врага.

Произошло это на второй или третий день моего плавания. Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, я обернулся и улыбнулся смотрящему. Мне казалось, что дружески. Но кто-то вполне мог счесть мою улыбку заносчивой ухмылкой. Так оно и случилось. Моя улыбка разозлила этого матроса. В ответ я получил взгляд, полный нескрываемой злобы.

На следующий день, когда я, сражаясь с качкой, двигался по шканцам, меня с силой пихнули локтем. Я рухнул на колени, но не рассердился, думая, что это матросская шутка. Подняв голову, я рассчитывал увидеть улыбающееся лицо шутника и возглас «Попался!». Но вместо этого увидел презрительную усмешку все того же матроса. Он мельком обернулся и продолжил свой путь к месту вахты. Он был крупным и сильным. Таких лучше не задевать. И тем не менее я чем-то его задел.

В соседнем гамаке со мной спал палубный матрос по прозвищу Пятница. Когда я рассказал ему, как выглядит мой обидчик, он сразу понял, о ком речь.

– Так это же Блэйни.

Блэйни. Помнится, я несколько раз слышал это имя от других матросов. И к несчастью... я имею в виду, к несчастью для меня, Блэйни почему-то меня

возненавидел. Как говорят, до мозга костей.

Беспричинной ненависти не бывает. И поскольку мы с ним не сказали и двух слов, я, по-видимому, дал ему какой-то иной повод. Не важно, какой именно. Важно, что в голове Блэйни засела ненависть ко мне. А также то, что он был большим и, по словам Пятницы, отлично владел мечом.

Блэйни, как ты, возможно, успела догадаться, был одним из тех шестерых, кого я увидел играющими в кости, когда подъехал к «Императору». Ты подумала, что он был как раз тем, с кем я повел тогда разговор, и теперь решил отомстить мне за дерзость.

И вот тут как раз ты не права. Блэйни был одним из тех, кто продолжал резаться в карты во время моего разговора с его товарищем. Человек недалекого ума, жестокий. У него был выпуклый лоб и густые брови, которые он постоянно держал сведенными, словно и сам находился в каком-то вечном замешательстве. В тот вечер я едва обратил на него внимание. Возможно, это и способствовало появлению вражды. Он почувствовал, что я совершенно его не замечаю, и этого оказалось достаточно, чтобы разжечь в нем огонь ненависти.

– А что он так взъелся на меня? – спросил я у Пятницы.

Тот лишь пожал плечами и пробормотал:

– Не обращай внимания, – после чего закрыл глаза, показывая, что наш разговор окончен.

Я последовал совету Пятницы. Я старался не обращать внимания на Блэйни.

Это разъярило его еще сильнее. Он вовсе не хотел, чтобы на него не обращали внимания. Он хотел вызывать у других страх. Блэйни понял, что я его совсем не боюсь, отчего и затаил на меня злобу.

Тем временем у меня появился новый повод для раздумий. Среди матросов поползли слухи, что наш капитан чувствует себя обделенным по части добычи. За последние два месяца мы не совершили ни одной вылазки, а это значило, что никто из нас не заработал даже полпенса. Недовольство команды начало расти, и не откуда-нибудь, а из капитанской каюты. Настроение капитана знали все: он считал, что честно выполняет свою часть сделки, не получая почти ничего взамен.

У тебя может возникнуть вопрос: о какой сделке речь? Будучи каперами, мы обеспечивали ее величеству поддержку английского присутствия на море. То есть мы являлись непризванными солдатами в ее войне против испанцев. За это нам разрешалось безнаказанно грабить испанские корабли в таком количестве, какое определяла наша жадность, и именно этим мы до той поры и занимались.

Однако испанских кораблей, бороздивших моря, становилось все меньше. А в гаванях мы не раз слышали, что война подходит к концу и вскоре между Англией и Испанией может быть подписан мирный договор.

Надо отдать должное капитану Дользеллу: он умел смотреть вперед и заранее чуял, откуда ветер дует. Он не хотел оставлять нас без добычи и потому решил предпринять действия, выходящие за рамки дозволенного ее величеством.

Капитан вышел к нам не один, а со своим помощником Трэффордом. Дользелл снял треуголку, вытер пот, снова надел шляпу и обратился к нам с речью:

– Парни, попомните мое слово: эта вылазка обогатит нас, как никогда прежде. Ваши карманы лопнут от золота. Однако должен вас предупредить, поскольку я не имел бы права называться вашим капитаном, если бы умолчал об этом. Дело, которое я вам предлагаю, рискованное.

Рискованное. Да. Мы рисковали быть пойманными, предстать перед судом и умереть на виселице.

Мне говорили, что кишки повешенных опорожняются сами собой. Поэтому пиратские бриджи стягивают вокруг лодыжек, чтобы дерьмо не вывалилось на эшафот. Это позорное обстоятельство пугало меня сильнее, чем сама казнь. Мне вовсе не хотелось, чтобы Кэролайн потом вспоминала, как я болтался на виселице, разбрасывая дерьмо вокруг себя.

Я покидал Бристоль совсем с другой целью – не стать пиратом и не оказаться вне закона. Но если я останусь на корабле и приму участие в затее капитана, то именно это и случится. Мы станем мишенью для флота Ост-Индской компании и, вне всякого сомнения, для Военно-морского флота Ее Величества.

Да, я поступал в каперы не для того, чтобы сделаться пиратом. И в то же время я не мог вернуться в родные края без гроша в кармане. А если я вернусь богатым, то золото заткнет глотки всем моим врагам, и они перестанут домогаться моей смерти. Такая мысль не раз мелькала в моей голове.

Пиратство меня совсем не привлекало. Все деньги я планировал заработать законным способом.

Прошу тебя, не надо ухмыляться. Сейчас я и сам понимаю, насколько хлипкими были мои тогдашние рассуждения. Но у меня еще оставался огонь в душе и юношеские мечты пока не успели выветриться из головы.

Озвучив свое предложение, капитан выразил уверенность, что среди команды наверняка найдутся те, кто не желает быть замешанным в грязных делах. И он предоставлял им возможность заявить об этом сейчас, потому что потом им придется держать язык за зубами. Тем, кто не хочет участвовать в предлагаемом деле, он позволит беспрепятственно покинуть корабль. Услышав об этом, я едва не шагнул вперед.

Но меня удержала рука Пятницы. Мы стояли рядом. Его жеста никто не видел. Пятница даже не повернулся ко мне. Он глядел вперед, туда, где стоял капитан. Следом я услышал его шепот: «Погоди». Зачем он это сделал, я узнал буквально через каких-нибудь пару минут. Вперед вышли пятеро матросов. Все – честные, совестливые парни, не желавшие марать себя пиратством. По приказу капитана его помощник махнул подручным, и пятерых совестливых парней бросили за борт.

С тех пор я решил держать свой люк плотно задраенным. В голове у меня созрел новый замысел. Я приму участие в разбоях, но до поры до времени. А потом, скопив достаточно денег, сбегу с корабля. Поступлю на другое каперское судно. Я считал себя уже достаточно опытным моряком, которого охотно возьмут на другой корабль. И естественно, я буду всячески отрицать, что плавал на «Императоре», когда его капитан изменил курс и совершил ужасное

преступление.

Не скажу, чтобы мой замысел отличался особой продуманностью. Я и тогда видел его недостатки. Но я очутился между молотом и наковальней. Ни один имеющийся вариант меня не устраивал, а других у меня не было.

Снизу доносились крики выброшенных за борт. Они звучали все тише, пока не смолкли совсем. Тогда капитан продолжил рассказ о своих пиратских замыслах. Он смотрел на вещи трезво, а потому не стал говорить о нападении на суда Королевского флота. Подобное было бы равносильно самоубийству. Добычу нам предстояло найти возле западных берегов Африки. Туда в январе 1713 года и направился «Император».

17

Январь 1713 г.

Мы прошли мимо прибрежных островов и бросили якорь в тихом, защищенном от ветров заливчике. Возможно, это был не заливчик, а эстуарий реки, впадавшей в море. Капитан отправил на берег отряд, приказав добыть провиант, пресную воду, пиво, вино и ром. В этом райском уголке можно было бы задержаться надолго. Мы бы ловили черепах и лакомились их мясом, стреляли бы непуганых птиц. Можно было бы поохотиться на крупный рогатый скот, коз и свиней.

С помощью полиспастов и иных приспособлений мы вытащили корабль на песчаный берег и установили его в кильблок. Последовательно опрокидывая судно то на один, то на другой бок, мы факелами выжигали с бортов и днища окаменевшие ракушки и водоросли, смолили и конопатили все прохудившиеся места, меняли сгнившие переборки. Всеми работами командовал корабельный плотник, которому очень нравилась его временная власть. Еще бы! Он давно твердил капитану, что судно нуждается в основательном ремонте. Помимо корпуса и переборок, мы произвели починку мачт и парусов. Плотник командовал не только корабельным квартирмейстером, но и обоими помощниками капитана. Тем не оставалось ничего другого, как помалкивать и

выполнять все, что от них требовалось.

Хорошие были деньки. Мы ловили рыбу, охотились и тихо посмеивались над тяготами корабельного начальства. Никто не рвался сталкивать корабль обратно в воду и снова поднимать паруса. Однако капитан напомнил нам, ради чего затевался ремонт. Вскоре земля осталась далеко за кормой.

Корабль, избранный в качестве добычи, был торговым судном, принадлежащим Ост-Индской компании. Он шел от западных берегов Африки в сторону Нового Света. Матросы всю обсудили разумность капитанской затеи. Мы замахивались на один из лучших кораблей Ост-Индской компании, ее гордость. За это английские военные суда могли изрешетить нас ядрами. Но капитан утверждал, что на все Карибское море приходится всего три военных корабля и два патрульных шлюпа. Наша добыча называлась «Амазонская галера». По словам капитана, на борту торгового судна находились изрядные сокровища. К тому же атака произойдет в открытом море, на приличном расстоянии от суши. Мы неторопливо распотрошим судно, а потом скроемся, не оставив следов.

– Неужели команда «Галеры» не распознает, кто на них напал? – рассуждал я вслух.

А вдруг уцелевшие матросы сообщат военно-морскому командованию, что их атаковало каперское судно «Император»? Пятница лишь посмотрел на меня и ничего не сказал. Но мне было плевать на его выразительный взгляд.

Нашу добычу мы настигли на третий день погони.

– Вижу парус! – слышался сверху крик впередсмотрящего.

Мы привыкли к этим словам. Парус-то парус, но неизвестно чей. Капитан о чем-то говорил с квартирмейстером. Вскоре оба подтвердили, что это «Галера», и капитан приказал идти на сближение.

Подойдя ближе, мы подняли британский флаг и каперский вымпел. «Галера» продолжала двигаться своим курсом, сочтя нас английским капером, оказавшимся с ней в одних водах.

Мы оставались английским каперским судном, но лишь в теории.

Матросы заряжали пистолеты, проверяли, остро ли заточены сабли. Наготове были абордажные крючья. Возле пушек застыли артиллеристы. С борта «Галеры» видели, что мы готовимся к нападению. Команду охватила паника. Матросы забегали взад-вперед, как табун испуганных лошадей.

Мы заставили их корабль остановиться. Наши матросы устремились к планширам, готовые броситься на абордаж. Дула десятков пистолетов смотрели в сторону «Галеры». Туда же смотрели стволы пушек на вертлюжных лафетах. В руках наших ребят поблескивали абордажные сабли, а сами они стояли, угрюмо скаля зубы. Пистолета у меня не было. Квартирмейстер отыскал на дне оружейного сундука заржавленный меч. Все лучше, чем ничего. Втиснувшись между матросами, которые были вдвое старше меня и, пожалуй, раз в десять свирепее, я старался во всем им подражать и, как мог, придавал своей физиономии такую же свирепость.

Стволы наших пушек были наведены на борт «Галеры». Одно слово, и в торговый корабль полетел бы град ядер, способный переломить его надвое и отправить в гости к рыбам. На лицах их матросов я не видел решимости принять бой и стоять до конца. Наоборот, все были смертельно напуганы. Они сознавали, что попались в ловушку и теперь их ждут ужасные последствия.

– Требуем вашего капитана! – сложив руки рупором, крикнул первый помощник.

Он с грохотом поставил на перила планшира песочные часы:

– Если ваш капитан не явится раньше, чем упадет последняя песчинка, мы откроем огонь.

Они дотянули почти до последнего, но их капитан появился на палубе. Он был при полном параде. Лицо изображало негодование, а в глазах отчетливо читался страх.

Капитан «Галеры» подчинился нашим требованиям. Он приказал подать шлюпку, на которой проплыл короткое расстояние между кораблями. Втайне я невольно проникся к нему симпатией. Ради спасения своих матросов он отправился туда, где с ним могли сделать что угодно. Это вызывало

восхищение. Исполненный достоинства, он поднимался по вант-трапу, равнодушный к насмешкам и глумливым словечкам, на которые не скупались наши артиллеристы. Вскоре его грубо схватили под мышки и через перила планшира втащили на ют.

Вновь оказавшись на ногах, он шагнул вперед, расправил плечи, демонстративно разгладил складки на камзоле и манжетах, после чего потребовал, чтобы его провели к нашему капитану.

- А я уже здесь, - слышался голос Дользелла.

Как всегда, его сопровождал первый помощник Трэффорд. Оба спустились с полюта. Дользелл был в треуголке. На шее красовался пестрый платок. В руках он держал саблю.

- Как ваше имя, капитан? - спросил он.

- Меня зовут капитан Бенджамин Притчард, - угрюмым тоном произнес капитан торгового судна. - Извольте объяснить, как все это понимать.

Он стоял, вытянувшись во весь рост, но все равно уступал внушительной фигуре Дользелла.

- Как все это понимать, - повторил Дользелл, выделив последнее слово.

Губы нашего капитана скривило некое подобие улыбки. Он обвел глазами наших матросов, собравшихся на палубе. Те захихикали.

- Да, - чопорно произнес Притчард.

Судя по манере говорить, он происходил из знатной семьи. Мне сразу вспомнилась Кэролайн.

- Я хочу знать причину случившегося. Думаю, вам известно, что мой корабль принадлежит британской Ост-Индской компании и находится под защитой Военно-морского флота Ее Величества?

– И наш тоже, – ответил Дользелл, указывая на красный вымпел над топселем.

– Я склонен думать, что вы утратили эту привилегию в тот момент, когда под дулами пушек велели нам остановиться. Или пойти на такой шаг вас заставили чрезвычайные обстоятельства?

– Да.

Я посмотрел в сторону второго судна. Команда «Галеры», как и мы, напряженно следила за развитием событий. Единственными звуками были плеск волн, ударявших о борта кораблей, и негромкое поскрипывание снастей. Погода нам благоволила.

– У вас действительно была серьезная причина остановить наше судно подобным образом?

– Была.

– Понятно. Тогда попрошу незамедлительно ее назвать.

– Охотно, капитан Притчард. Я принудил ваш корабль остановиться, чтобы мои ребята помогли вам избавиться от всех сокровищ, отягчающих ваши трюмы. Добычи в последнее время стало попадаться все меньше. Мои люди стали испытывать вполне понятное беспокойство. Они думают и гадают, сколько им заплатят за эту экспедицию.

– Вы, сэр, являетесь капером, – резко ответил ему капитан Притчард. – Действия, которые вы намерены предпринять, сделают вас пиратом и поставят вне закона... И вы все окажетесь вне закона, – сказал он, обращаясь к нашим матросам. – Военно-морской флот Ее Величества непременно выследит вас, схватит и арестует. Вас повесят в доке экзекуций, а тела выставят напоказ в лондонском Уоппинге. Вы действительно этого хотите?

«Умирая, вы в последний раз обмочитесь и обделаетесь», – мысленно добавил я к речи капитана Притчарда.

Но Дользелла такая перспектива, похоже, не пугала.

– Краем уха я слышал, что ее величество вот-вот подпишет мирные договоры с испанцами и португальцами. Тогда мои услуги капера больше не понадобятся. И чем, по-вашему, я должен буду заниматься? А мои ребята?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/oliver-bouden/assassin-s-creed-chernyy-flag>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)